

Сергей Пономаренко

ЛЫСАЯ ГОРА

или

Я буду любить тебя вечно

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
УДОСУГА

Сергей Пономаренко

**Лысая гора, или Я буду
любить тебя вечно**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2017

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Пономаренко С. А.

Лысая гора, или Я буду любить тебя вечно /
С. А. Пономаренко — Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2017

ISBN 978-617-12-3392-8

В 1912 году на Лысой горе казнили Анику Мозенз, обвинив в отравлении своих родных, но на самом деле девушка была не причастна к убийству. Событие из прошлого мистическим образом влияет на судьбу людей в современном мире. В какой-то момент Глеб понимает, что он виновник казни Аники, его тогдашней возлюбленной, а окружающие его люди также причастны к убийству девушки. Лысая гора какой-то магической силой манит их к себе. Смогут ли герои исправить ошибки, совершенные в предыдущей жизни? Удастся ли им разрушить силу колдовства?

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр=Рос)

ISBN 978-617-12-3392-8

© Пономаренко С. А., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2017

Содержание

Пролог	6
1	6
2	18
Часть 1	21
1	21
2	24
3	31
4	35
5	37
6	40
7	44
8	46
9	48
10	49
11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Пономаренко

Лысая гора, или Я буду любить тебя вечно

© Пономаренко С. А., 2017

© Depositphotos.com/ pellinni, Shaiith79, liqwer20.gmail.com, обложка, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

* * *

*Чудеса не противоречат природе, они противоречат лишь тому,
что нам о ней известно.*

Блаженный Августин

*Я прошел через сансару многих рождений. Рождение вновь и
вновь – горестно.*

Будда

*Мы все пришли и все уйдем,
Но в этой жизни есть избранники
На Голгофу и на Трон.*

Из мюзикла «Экватор»

Пролог Одна из них

1

Яркий солнечный свет после полумрака тюремной кареты со слепым окошком заставил Анику невольно зажмуриться. Солнце, багрово-красное, застыло на горизонте, посылая на землю не по-весеннему жаркие лучи. Карета остановилась посередине мощенного камнями двора, окруженного высокой стеной. Раскаленная мостовая, насыщенный жаром воздух с готовностью приняли Анику, надеясь забрать жалкие остатки влаги, сохранившиеся в ее измученном теле. Но после затхлой духоты кареты она с удовольствием вдыхала сухой, горячий воздух.

Жандармский поручик, начальник караула, галантно помог девушке сойти на землю. Со стороны это было нелепым и забавным зрелищем – помочь арестантке в ручных и ножных кандалах, сером казенном халате и темном платочке, прикрывавшем коротко остриженные русые волосы. Она была красива, эта арестантка: большие выразительные глаза цвета изумруда на худощавом бледном личике с небольшим чувственным носиком – все гармонично, пропорционально и к месту.

Увидев протянутую руку жандармского офицера, она удивилась и замешкалась, но приняла помощь. Его учтивость никак не сочеталась с теми унижениями и страданиями, которые довелось ей испытать за время нахождения под следствием в Киевской губернской тюрьме. Высокие деревянные ворота тюрьмы с полосатой будкой для караульного стали гранью, отделившей настоящее от такой далекой свободы. Весь мир сузился до размера тюремной камеры, переходов и кабинета следователя.

Караульные провели арестантку к массивной приземистой круглой башне с неизменной полосатой будочкой для часового у входа. Скрипнули тяжелые дубовые двери, пропуская ее и сопровождающего офицера внутрь. В небольшом внутреннем помещении после яркого дневного света их встретил полумрак и новый караул – фельдфебель и двое солдат. Деревянные стол, лавка, топчан вдоль стен и пять железных дверей с зарешеченными смотровыми окошками – вот и всё караульное помещение. Поручик вручил фельдфебелю приказ.

Фельдфебель, пожилой мужчина с рыжевато-седыми усами и многочисленными нашивками на рукаве, неторопливо его изучил, окинул арестантку пронизывающим взглядом и скомандовал:

– В офицерское отделение, в одиночку для смертников.

Сердце Аники сжалось, и через мгновение ему стало тесно в груди. Катастрофически не хватало воздуха. Солдат с безразличными сонными глазами на круглом веснушчатом лице несколько раз стукнул в железную дверь в дальнем углу. В смотровом окошечке появился круглый черный глаз, и из-за двери послышался грубый недовольный голос:

– Чего надо? Соснуть не даете, черти!

Солдатик коротко хохотнул.

– Пассажирка к тебе, Филиппыч! Чтобы не скучал, значит!

Поручик не выдержал и взорвался:

– Обращаться по уставу! Распоясались, сволочи! Фельдфебель, наведите порядок!

Фельдфебель неохотно, с ленцой в голосе отозвался:

– Слушаюсь, вашбродь! – и врзал солдату в ухо.

У того резко мотнулась голова, но выражение глаз осталось прежним.

Дверь открылась, выпустив надзирателя – полного коротышку с нелепыми кривыми ногами кавалериста, обрюзгшим, неестественно белым лицом в оспинках и черными глазами навывкате. Он сориентировался в обстановке, вытянулся перед офицером по стойке смирно и рявкнул:

– Ваше благородие, куда прикажете сопроводить арестантку?

Тот сердито скомандовал:

– В одиночную!

За дверью оказался серый коридор, в конце его – снова дверь, а справа – ее новая обитель, крошечная камера размером с голубятню с одиноким, привинченным к полу табуретом посередине. Офицер вместе с осужденной зашел в камеру, заполнив собою все свободное пространство. Он был молод, не старше двадцати пяти лет. Его приятное мужественное лицо оказалось прямо перед ней, он посмотрел ей в глаза с сочувствием и тем не менее твердым, официальным тоном произнес:

– Осужденная Мозенз! В соответствии с известным вам приговором губернского суда и так как не соизволили подать апелляцию, вы будете находиться в камере Косого капонира Печерской крепости до исполнения приговора. На вас будут ножные и ручные кандалы. В случае неисполнения приговора сегодня...

Девушка непроизвольно вскрикнула:

– О Господи!

– Вам на ночь, до шести часов утра, будет внесен топчан с соломенным тюфяком. Так-с. Какие будут просьбы, пожелания? – спросил он и добавил более мягким тоном: – Водки хотите?

«Вот и все, – подумала Аника с горечью, – сегодня мои страдания закончатся». Теплившаяся надежда на чудо избавления от смерти, от тюрьмы умерла вместе с этими мыслями. На душе вдруг стало спокойно, исчезли вмиг ее тревоги и ожидания. Она лишь сглотнула образовавшийся комок в горле.

– Спасибо, я не пью... не пила раньше, – голос звучал удивительно ровно, буднично, как бы безотносительно к ней. – Если можно, воды, холодной воды – жара сегодня невообразимая, сударь. И раз уж вы так любезны, то распорядитесь принести мне Библию и свечу. Когда за вами закроется дверь, наступит темнота... Большую свечу, пожалуйста, чтобы надолго хватило, – боюсь я темноты! – Ненадолго задумалась, а потом добавила: – Не знаю, сколько мне суждено здесь пробыть...

От безысходности этих слов Анике стало холодно, ее стала бить мелкая дрожь. «Как страшно ожидать смерти за преступления, которых не совершала, – ни в мыслях, ни наяву!» В отчаянии она выкрикнула:

– Боже, ты же знаешь – я не виновна! Открой глаза этим людям! – Но тут же и успокоилась: – Извините, нервы.

Поручик сочувственно посмотрел на обреченную. Его взгляд иллюстрировал статью Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Девушка из высшего общества в преступнике, идущем на казнь, видит только красивого молодого человека с несложившейся жизнью, сочувствует ему, а уличная торговка абстрагируется от внешности, видит в нем лишь убийцу и жаждет его наказания. Молодой офицер видел в арестантке привлекательную молодую девушку, а не подлую отравительницу-убийцу.

– Зря вы от водки отказываетесь, мадемуазель! – Его взгляд бегал по сторонам, а на лбу выступила испарина. – Это ваше дело, но, уверяю вас, легче станет...

– Легче будет умирать в неполные двадцать два года? – закончила она за него. – Поверьте, поручик, мужества мне хватит и без водки, обидно, что без вины погибну...

– Мадемуазель, я не хотел вас обидеть, даже наоборот... Видел я многих осужденных, в том числе и смертников. Прости их, грешных! – Поручик перекрестился. – Я хочу верить

в вашу невиновность, и подсказывает мне сердце, что вы не убийца, – вы не похожи на преступницу, – и он сменил тему разговора. – Кстати, мадемуазель, с вами я встречался на вечере поэзии в Народном доме. Вы читали свои поэтические творения, безусловно, талантливые! Их потом напечатали в газете «Курьезе». Стихотворения прекрасные, чувственные, в них много трагизма и даже мистицизма. Я к вам подходил как благодарный слушатель, даже имел смелость пригласить на ужин в ресторацию «Эрмитаж», но вы восприняли приглашение как неудачную шутку, а вскоре к вам подошел молодой человек, и вы с ним уехали на извозчике. Припоминаете?

Девушка всмотрелась в жандарма и с легкой иронией тихо произнесла:

– Вы были тогда не в мундире, такой, как все. Приятный молодой человек.

– После того вечера я несколько дней был не в себе, все хотел с вами встретиться... С тем молодым человеком у вас был роман? Его звали, если не ошибаюсь, Михаил?

– Какая разница, сударь, как его звали и был ли у меня с ним роман в той жизни, оставшейся за стенами тюрьмы! – раздраженно ответила девушка. – Если вам угодно знать, то он умер. Не вынес позора и лжи! Вскоре я последую за ним, и не без вашей помощи, – и она с чувством продекламировала четверостишие:

Я буду любить тебя вечно,
Мы будем с тобою всегда.
Что жизнь? Ведь она быстротечна...
Душа – не умрет никогда!

– Мадемуазель, я верю в вашу невиновность... – Он замолк, не находя больше слов.

– Тогда почему я здесь, а не на воле? Почему вы держите меня здесь и готовите казнь, хотя верите в мою невиновность? – голос ее срывался от возмущения и обиды.

– Это решает суд, те, кто наверху, но никак не я! Мое дело выполнять приказы, а не рассуждать. Да-с! – безапелляционно заявил он, разведя руками, и сразу вновь смягчился: – Может, все-таки водки изволите?..

– Вы... чудовище! – взорвалась Аника. – Другие хоть уверены в моей виновности и видят во мне убийцу, а вы, сочувствуя и сострадая, предполагая, что я невиновна, спокойно поведете меня на эшафот! Так приказало начальство! Отговорка для подлецов!

Лицо офицера залила краска стыда. Не в силах найти нужные слова, он непроизвольно открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба.

– Как ваше имя, поручик? – Злость покинула Анику внезапно, как и пришла.

– Андрей... Андрей Андреевич Щеглов, – растерянно ответил он.

– Господин Щеглов, желаю вам здравствовать долгие годы и иметь много детей, абсолютно не похожих на вас! Желаю вашим нерожденным детям жить, не уподобляясь моллюскам, ограниченным раковиной, как человек – приказами свыше, а иметь свое разумение и действовать по совести! Вас я больше не задерживаю! При случае помолитесь в церкви за безвинно убиенную, не без вашего участия, Анику Мозенз! – и она заплакала навзрыд, до боли в груди. – Идите же, я хочу побыть одна, – едва смогла она промолвить сквозь слезы.

– Сейчас распоряжусь – вам принесут Библию и свечу, – сказал офицер, глядя в стенку, козырнул и вышел из камеры. Заскрежетал ключ в двери, и до Аники донесся приглушенный голос поручика: – Надзиратель! Принеси барышне воду, Библию и свечу, да побольше, не огарок какой-то. Ты понял?! Мухой давай!

Через мгновение тюремную камеру заполнила густая тишина одиночества. Обрывки мыслей водили хоровод в молодой головешке, не позволяя ни на чем сосредоточиться. Рыдания перешли во всхлипывания и затихли, только из носа текло и от слез резало глаза. Вновь заскрежетал ключ в дверях, и в камеру вошел надзиратель.

– Всё как вы просили, барышня, – Библия и свеча. Большая Библия и большая свеча! И от меня лично – соломенный тюфячок. Хотя это против правил. Да бог с ними, с этими правилами! Не сидеть же вам, барышня, все время, как свеча, посреди камеры на табурете. Сможете отдохнуть, соснуть часок – лежать-то сподручнее! Здесь я его расположу, удобно будет. Силы вам ой как понадобятся! – с иронией в голосе промолвил он. – Наконец-то все утомонились. В этом крыле тюрьмы мы остались вдвоем – я и ты, барышня, – голос его приобрел зловещие интонации. – Ненадолго! Часа на три-четыре, не больше. Расскажу тебе, что произойдет по окончании этого времени. – Надзиратель засмеялся – зло и ехидно. – К тебе, барышня, зайдут в гости на огонек большой свечи начальник тюрьмы, духовник, врач, дежурный офицер и конвой. Начальник тюрьмы предъявит письменный приказ генерал-губернатора сопроводить тебя в Лысогорский форт для исполнения приговора. Духовник вытрет тебе то ли слезы, то ли сопли, а офицер скажет караульным взять тебя под белы ручки и в кандалах сопроводить в черную карету для развозки смертников. Там выгнана махонькая-махонькая клетушка, даже ты согнешься в ней в три погибели, иначе не поместишься. Тебя сопроводит почетный конвой из девяти казаков. Как же, важная персона, чай не каждый день висельников возят! В форте, снова взяв под белы ручки, отведут на один из бастионов, где тебя ожидает большой сюрприз – деревянная виселица с добротной, хорошо намыленной пеньковой веревкой. Комендант форта зачитает приговор суда, и начнется подготовка к казни.

Что ж ты побледнела, барышня? Это лишь слова, а тебе предстоит все это прочувствовать на собственной шейке. Мой тебе совет, барышня, облегчи перед казнью не только душу, но и тело. Вон параша стоит. Ха-ха. Бывают такие курьезы... ха-ха... может и медвежья болезнь приключиться. Ха-ха. Ведь неприлично будет, барышня! Да-с!

Так вот, снимут с тебя кандалы, барышня, поменяют их на кожаный ремешок – он не лучше, подлецы затянут его так, что белы ручки-ноженьки посинеют. Ненадолго, сама понимаешь. Взойдешь ты на деревянный помост под виселицу, наденут тебе на голову черный балахон, на шею – пеньковый галстучек, чтобы, значит, шейку не простудила. Ха-ха. А шейка тоненькая, барская шейка... И синенькая жилочка на ней так и бьется, как синичка в клеточке. Тук-тук-тук.

Повезет тебе, барышня, если, когда лючок откроется и ты полетишь вниз, шейка твоя сломается – и мучениям конец... Может и не сломаться, вишь, какая ты вся худенькая, легонькая, не за что и потрогать.

Завороженная рассказом, Аника не сразу ощутила на себе его жадно ощупывающие руки. Брезгливо сбросила их.

– Ты не балуй, барышня! – строго проговорил он. – Я тебе дело говорю, а ты по рукам бьешь! Грудки у тебя даром что маленькие, востренькие, как гвоздики.

Так вот, барышня, если у тебя шейка не хрустнет, то будешь задыхаться, задыхаться, а докторишка будет свою трубку поганую к груди приставлять и докладывать, что не кончилась ты еще. Язык покажешь всем, но не маленький и остренький, а толстый и синий. Глазенки вылезут у тебя из орбит, а там, дай Бог, и кончишься...

Это еще не все. Вытряхнут тебя из халата, а под ним ничего нет, я знаю, и засунут в дырявый мешок. Ха-ха. Солдатики будут смеяться и обсуждать твои женские прелести. Бывшие прелести...

Отнесут тебя в сторонку и закопают, как шелудивого пса, – без имени, без креста.

Гутарю с тобой, барышня, вот по какой причине. Ведь ты девица, верно? Не красней, это дело поправить можно и нужно, – он стал слюняво причмокивать, – а то и в могилу сойдешь, не познав мужика! Ведь это дело есть главное в жизни, а ты мимо него пройдешь! Будешь ли ты ходить по райским кушам или кипеть в смоле – мне неизвестно, но вот этого дела ты там не познаешь! От него тебе только польза, может, и веселей будет идти на смерть.

Ты носом не крути, не строй из себя ангела! Пока по-хорошему предлагаю... А раз я хочу, кто мне помешает? Мы одни здесь! Хоть брыкайся, хоть голоси, я сейчас для тебя господин – что захочу, то и сделаю!

Он облапил девушку, не давая ей подняться с табурета. У нее перехватило дыхание. Смердящим ртом стал тыкаться в плотно сжатые губы. Вдруг резко рванул ее с табурета и поволок на тюфяк. Косынка спала с русой головы, хлипкие застежки халата отлетели, и обнажилось плечико, что еще больше распалило его животную похоть. Крики о помощи потонули в стенах камеры.

– Кричи, громче кричи, девка! Зови на подмогу солдатиков, они, чай, не дураки, не откажутся! Станут за мной в очередь к твоему телу! – возбужденно шептал он. – Четверо нас будет к тебе, значит, пока последний пройдет, первый снова захочет, а за ним второй и так дальше! Вот такая карусель будет! Бесконечная карусель! Ты должна меня просить-молить, чтобы я двери не открыл солдатикам, а не звать их на подмогу!

Бросив ее на тюфяк, он навалился на хрупкое молодое тело. Его руки деловито задрали халат, стали бесстыдно и властно ощупывать ее. Вседозволенность и безнаказанность порождали в нем безжалостную силу. А вот Анику силы стали покидать. Почувствовав дрожь слабости в ее руках, он запутал цепи ручных кандалов и свел ее руки, обхватив их одной своей, а освободившейся рукой стал шарить у себя в штанах. Его кривые, мерзкие ноги разжали ноги девушки, он вжался в ее живот. Она пыталась сбросить его с себя, но безрезультатно. Надзиратель перестал шарить в штанах, и что-то скользкое и мерзкое коснулось низа ее живота. Аника резко дернулась, и ей удалось немного сдвинуть его.

– Ах ты подлая отравительница! Кабацкая девка! Не нравится? Ты у меня сейчас будешь стонать от восторга! – В бешенстве свободной рукой он наносил ей хлесткие удары по лицу.

Она ошеломленно затихла и прекратила сопротивление.

– Поцелуйте меня, – просто сказала Аника.

– Чего-чего? – Он оторопел.

– Поцелуйте меня, – повторила она и подставила губы для поцелуя. – Ведь вы у меня будете первый!

– Давно бы так, барышня! – одобрительно бросил он, окутав ее гнилостным дыханием.

Усмехнулся, ослабил хватку руки, держащей ее руки, и впился в губы. Аника ответила, широко открыла рот и прикусила ему губу – он завопил, не отпуская ее. Чувствуя соленый привкус крови, она все сильнее стискивала зубы. Он в бешенстве стал вырываться и что-то мычать. Наконец она с сожалением разжала зубы и тут же резко двумя руками ударила его в грудь, сбросила с себя и вскочила, поправляя халат.

Тесная камера не давала возможности разойтись, и они стояли, закипая от ярости, друг напротив друга. По лицу надзирателя струилась кровь, он, бешено вращая глазами, вновь стал приближаться.

– Ах ты зараза! Кусаться! Да я сейчас из тебя отбивную сделаю! – злобно шипел он, подступая с кулаками.

– Успокойтесь, я должна вам кое-что сказать. Минутку спокойно постоит! Ну куда я в камере денусь с кандалами на руках и ногах? Присядьте на табурет, выслушайте, а потом можете делать, что хотите!

Надзиратель недоверчиво посмотрел на нее, какое-то время подумал и опустился на табурет.

– Гутарь, но недолго, и давай без этих твоих фокусов! А то... – он сунул ей под нос кулак.

Аника заговорила спокойным, ровным голосом, сама себе удивляясь:

– Вы, конечно, сильнее меня и силой добьетесь своего, но учтите три вещи. Добровольно я не дамся, исцарапаю вам лицо как смогу. Кое-какие следы уже имеются. Объясняться придется и на службе, и дома. Это во-первых.

Молчать я не буду. Начальник тюрьмы не оставит без внимания это безобразие, ему в подтверждение кое-что уже запечатлено на вашем лице, а будет еще больше. Проведут служебное расследование – написать бумагу у меня займет немного времени. Это во-вторых.

Самое главное, – ее голос стал хрипеть от ярости, – я вас, всю вашу семью после своей смерти не оставлю! Буду приходить по ночам попить кровушки. Ради этого готова отдать свою душу дьяволу, стать ведьмой с Лысой горы! Чего смотрите? Ведь знаете, за какие дела мне присудили виселицу! Думайте, решайте, а я хочу еще кое-что добавить.

По его лицу было видно, что ее слова возымели действие, но, неожиданно для себя, она ударила его кандалами по голове. Надзиратель упал с табурета и на четвереньках попятился к двери. Потом поднялся на ноги и оттолкнул от себя девушку, в ярости наступающую на него.

– Пошла прочь, ведьма! Не могла нормально сказать, сразу биться! Губу изуродовала. Когда пеньковый галстук наденут тебе на шейку и на нем закачаешься, вспомнишь меня! Да поздно будет! – крикнул он, открыв дверь. – Надумаешь – стучи в дверь. Спокойного ожидания смерти! – бросил он на прощанье слова, словно камни, и закрыл за собой дверь.

Торжествуя, Аника засмеялась, но это был горький смех. Сейчас она победила зло, но в итоге зло победит ее...

«Сколько у меня осталось времени, отведенного для жизни, – час, два, три? – печально подумала она. – Что за это время можно сделать и что нужно? Разве что воспоминания – преданные друзья – помогут скоротать оставшееся время.

Сколько у человека жизней? В двадцать один год их у меня две. Одна из них – счастливое детство в Херсоне, сухой ветер причерноморских степей, бескрайние плавни низовьев Днепра, любящие родители, трагическая смерть отца, переезд в златоверхий, торжественный Киев к дяде Людвигу, брату отца. Его семья, так радушно принявшая меня.

Марья Ивановна, тетя Маша, жена дяди, – беспокойное любящее сердце, скрывающееся за внешней сухостью. Дядя Людвиг добродушно подсмеивался над ее педантичностью: „Я стал настолько русским, что женился на тебе, чтобы хоть немного чувствовать себя немцем и не забывать традиционно присущих нам качеств!“

Дочери-близнецы, мои кузины, на три года младше меня, так похожи внешне и так не схожи характерами: хохотушка-болтушка Марта с постоянным лукавым блеском глаз и острым язычком и задумчивая, немногословная Ольга, обожающая музыку Вагнера и трагические спектакли театра „Соловцов“¹. Может, она предчувствовала трагический конец своей жизни? Упокой, Господи, их невинные души!

Учеба в Екатерининской женской гимназии, затем в Женском университете Святой Ольги, который так и не удалось окончить... Уже было пошито выпускное платье, его так и не довелось надеть.

Прогулки по шумному, помпезному Крещатику, строгой, торжественной Владимирской улице, тенистым аллеям Бибиковского бульвара, вычурному Печерску с его причудливой архитектурой. Сколько жарких споров вызывали архитектура дома-замка барона Штейнгеля и караимской кенасы на Большой Подвальной, дом с химерами архитектора Городецкого! Как мы с подружками любовались росписями Васнецова, Врубеля, Пимоненко

¹ Театр «Соловцов» – русский драматический театр в Киеве. Основан в 1891 году известным российским актером и драматургом Николаем Соловцовым. Один из первых стационарных киевских театров с постоянной театральной труппой. Просуществовал 33 года. (Здесь и далее примеч. авт.)

во Владимирском кафедральном соборе, канонической строгостью древних фресок Михайловского Златоверхого и Софиевского соборов!

А загадочность и отрешенность от мирской жизни подземных церквей Печерской Лавры при трепетном свете свечей!

Бесчисленные парки Киева! Я любила там гулять, как бы купаясь в веселой зелени весны, лета или в печально-торжественном золоте осени. Сколько верст пешком мы прошли вдвоем с Мишей по аллеям Царского, Николаевского парков, Шато де Флер, по саду Купеческого собрания! А какой озорной набег мы совершили на закрытый для посторонних парк „Кинь грусть“!

Пешие походы в Предместную слободку, куда мы попадали, пройдя по Николаевскому цепному мосту, лодочные прогулки на Труханов остров. Плеск весел в темной днепровской воде навеивает воспоминания о традиционных ужинах в ресторанах „Босфор“, „Аквариум“, прогулках по парку, причудливому зимнему саду „Эрмитаж“ и веселье русской оперетки. Мы мечтали устроить свадебный лодочный кортеж и обвенчаться на этом острове в Елизаветинской церкви.

Бедный Миша! Упокой, Господи, его душу! Смертью ты уже искупил свой грех, и я молю Небеса, чтобы они сжалились над тобой! За свою судьбу я тебя простила, а ты на Небесах сам попросишь прощения!

Вторая жизнь началась вместе с болезнью и неожиданной смертью Ольги, а затем и Марты. Их похоронили одну за другой, и казалось, что это были одни похороны. Дальнейшие события, будто в калейдоскопе, закрутили меня, подхватили, как бурный поток листочек, и понесли в ужасающую действительность, вовсе не считаясь с моими желаниями.

Самоубийство тети Маши, снова похороны, странная болезнь дяди и наконец следствие. Следователь, господин Брюквин, являлся мне даже во сне. Обрюзгший, с серыми глазами-ледышками за очками в тонкой золоченой оправе, в потертом синем сюртуке, вечно несвежей рубашке, с несвежим же дыханием, он безжалостно растоптал своими грубыми башмаками мою жизнь, мою честь, покрыв позором мое имя. Это он объявил меня вероломной отравительницей своих родных, своих благодетелей.

Я отравительница?! Я вероломно убила-отравила своих кузин, Марту и Олю?! Я инсценировала самоубийство тети Маши?! Я отравила своего родного дядю Людвигу, который заменил мне отца?!

Я не убийца! Это Брюквин убийца, тройной убийца! Он перед судом довел до самоубийства мою мать, отчаявшуюся из-за павшего на нее позора и всеобщего презрения. Это из-за него Миша покончил жизнь самоубийством. Гореть вам, господин Брюквин, в геенне огненной тысячи лет! Взываю об отмщении! И да исполнится то, что сказано в Писании в отношении таких, как он: „Пусть забудет его утроба матери; пусть лакомится им червь, пусть не остается о нем память“².

А я понесу крест на собственную Голгофу безропотно, безвинно и искуплю своей мученической смертью Мишины грехи».

И вновь ей на ум пришли строчки четверостишия, которые недавно прочитала жандарму, только сейчас она изменила вторую строку:

Я буду любить тебя вечно,
И смерть я приму за тебя.
Что жизнь? Ведь она быстротечна...
Душа – не умрет никогда!

² Иов, 24: 20.

«Круглый деревянный павильон с панорамой „Голгофа“ возле Александровского католического костела, куда я вместе с девочками-гимназистками ходила в сопровождении классной дамы, а потом уже будучи студенткой. Как замороженная, смотрела на сожженный безжалостным солнцем неземной ландшафт Лысой горы – Голгофы, на мизерные фигурки людей, пришедших в основном из любопытства, а может, даже порадоваться при виде чужого горя.

Мизерные по сравнению с титанической масштабностью происходящего события, не понимающие в силу скудости своих умишек, какое историческое событие, действие разворачивается перед их глазами. Смотрела, стараясь постичь сущность казнящих, казимых и любопытствующих. Небезразличных было мало, совсем как в наше равнодушное время.

Три жалкие человеческие фигурки, распростертые на крестах, казалось, ничем не отличались друг от друга. Искупительная жертва за все человечество одного из них – Сына Божьего... Я не могу принести искупительную жертву во имя всего человечества, как Иисус, но во имя одного, которого уже нет, смогу. Во имя твоего спасения, Миша! Смиловись над ним и надо мной, Господи!»

Аника стала на колени, прямо на каменный пол, и начала молиться о спасении души. На коленях стоять было больно, холодно, и вскоре ее стала бить мелкая дрожь. Тогда она забралась с ногами на соломенный тюфяк, закуталась поплотнее в арестантский халат и прикрыла глаза. Нет ничего хуже ожидания, но что может быть хуже ожидания смерти? Ей не верилось, что завтра ее уже не будет. Встанет солнце, освещая сонный город, улицы которого постепенно будут заполняться людьми. Первыми выйдут на улицу дворники, молочники и булочники, затем потянутся мастеровые; по бесконечной Александровской улице задрезжит трамвай, первый раз выходя на маршрут, соединяющий Печерск и Подол; начнут открываться лавки, магазины, распахнут свои двери училища и гимназии, а будущие выпускницы 1913 года Женского университета Святой Ольги вместо подготовки к выпускным экзаменам разбредутся кто куда: в библиотеку, к модисткам – добавить последние штрихи к бальному наряду – или в кондитерскую, посудачить о делах насущных. Возможно, темой их разговоров будет и она, бывшая студентка, их подруга, а теперь смертница, отравительница, заклеянная позором из-за гибели своих родных. Неужели ее жизнь сегодня оборвется?

Неожиданно она вспомнила прошлогодние рождественские гадания, которые она со своими кузинами устроила поздней ночью. Тогда, уединившись втроем в темной комнате, где перед большим зеркалом горела единственная свеча, они стали гадать. Первой гадала тихая, вечно печальная Ольга, мистик по натуре, увлекающаяся спиритическими сеансами, ночами пишущая никому не понятные стихи. «Суженый-ряженый...» – прошептала она слова заговора. У нее ничего не вышло, а затем по очереди гадали кузины, но также безуспешно. Они ничего не увидели в зеркале, и вечно смешливая Марта уже стала на этот счет острословить, когда Ольга вдруг побледнела и встревожено спросила:

– Кто закрыл дверь в комнату? Ведь когда мы вошли, она оставалась открытой, я проверяла!

Аника и Марта переглянулись, но они не вспомнили, чтобы кто-нибудь из них закрывал за собой дверь.

– Мы все скоро умрем! – испуганно воскликнула Ольга. – Это нам знак – у нас нет будущего!

Их жутко напугали эти слова, а Марта высказала предположение, что в этом виновен сквозняк, с чем все поспешно согласились, хотя прекрасно знали, что окно в комнате не только плотно закрыто, но еще и завешено темной тканью, как требовал ритуал гадания.

«Как странно и страшно это вспоминать! – подумала Аника. – Немного времени прошло с тех пор, как мои кузины умерли, и наступил мой черед! – Дрожь вновь пробежала по ее телу. – Если прав этот мерзкий тип, который попытался снасильничать, меня ждет погребение»

ние без православного обряда, тело поглотит земля, и не останется никакого следа моего пребывания на земле. Вроде как и не жила... Мечты стать знаменитой поэтессой умрут вместе со мной. Мое единственное опубликованное стихотворение в бульварной газете „Курьезе“, возможно, лишь ненадолго переживет меня, и в конце концов все эти газеты пойдут на растопку печей.

Я упокоюсь на Лысой горе, по преданиям это прибежище ведьм и место черного шабаша. Я только что грозилась стать ведьмой и по ночам пить кровь у этого непотребного человека и его родных – неужели возможна такая метаморфоза со мной, с моей душой? Это было бы страшнее смерти».

Послышался скрежет открываемой двери. Сердце Аники оборвалось в бездну, ноги стали ватными.

– Неужели пришли за мной, так скоро?! Господи, я хочу жить! – Она зашептала слова молитвы.

Перекошенное от страха бледное лицо надзирателя.

– Барышня! К вам господин Брюквин, следовательно, – сообщил он и добавил шепотом: – Не погубите, барышня, Христа ради! Не за себя прошу, а за своих малолетних деток.

«Дрожащий от ужаса студенистый кусок мирской плоти, недавно объявивший себя моим господином! – с омерзением подумала она. – Неужели я так же буду трястись в последние мгновения своей жизни? Господи, дай мне силы!»

Запах несвежего белья и гнили, исходивший от господина Брюквина, перебивал тюремный. Надзиратель поспешно покинул камеру.

– Так-с, барышня, готовитесь к дальнейшему путешествию? – насмешливо проговорил Брюквин. – Похвально, на лице ни слезинки, ни кровинки. Нервишки у вас... позавидуешь. Ах да, я и забыл, с кем имею дело, ведь это непросто – своих родных, благодетель...

– Что вам нужно? – резко перебила его Аника. – Следствие закончено, решение суда, с вашей помощью, вынесено, меня ожидает виселица через несколько часов. Пришли упиваться триумфом? Здесь нет благодарных зрителей, мое мнение о вас вы знаете. А может, у вас проснулась совесть и вы пришли, чтобы раскаяться в содеянном, признаться в фальсификации доказательств моей вины? Да нет, это невыносимо! Тогда, господин Брюквин, соизвольте подождать – я попрошу вызвать моего адвоката, – не удержалась она от иронии.

– Шутить изволите, барышня? – Глазки его весело поблескивали за стеклышками очков. Он напоминал крысу, хорошо отобедавшую в амбаре. – Да-с, редкое самообладание у вас. Юмор с веревкой на шее – это юмор висельников. Ха-ха. Какой каламбур! Я к вам по неотложному делу! От результатов нашего разговора зависит ваша жизнь. Или, может, вы ею совсем не дорожите, милая барышня? Радуйтесь – у вас появился шанс отсрочить казнь или даже отделаться только тюрьмой! – Он торжествующе посмотрел на маленькую арестантку, проверяя, какое впечатление на нее произвели его слова. – Для начала – *сюрприз!* Оказывается, существует тесная связь нашего мира с потусторонним и, бывает, мертвые возвращаются в наш мир из загробного живыми. Да-с, представьте себе – живыми! Особенно те, кому не дают покоя лавры Данте с его похождениями в аду. Да-с. Ну, не буду вас больше томить: оказывается, ваш друг, господин Шиповский Михаил Александрович, жив-живехонек! – Всем своим видом следовательно выражал восторг.

– Миша живой?! Его спасли? Где он? – Аника без сил опустилась на табурет.

– Ах, барышня-барышня! Это ни чудесное воскрешение, ни, тем более, спасение на водах! Все гораздо проще – господин Шиповский, ваш Миша, инсценировал самоубийство! Свои вещички бросил на берегу Днепра, а сам дал деру! – Брюквин укоризненно покачал головой, и Анике показалось, что он перевоплотился в фарфорового китайского мандарина с маминого комода. – Я имею достаточные доказательства того, что он жив и скрывается. Ваш Миша, выставив вас единственным виновником драмы семьи Мозенз, подвел вас под висе-

лицу, навлек на вас позор, способствовал смерти матери, а сам скрылся, как трус! Думаю, он неплохо проводит время – карты, вино, девочки... Согласитесь, барышня, это ведь неблагородно с его стороны! – Теперь он излучал океан сочувствия, и от этого ей захотелось в пустыню. – Конечно, я могу объявить его в розыск, и рано или поздно господина Шиповского сыщут. Он не иголка в стоге сена. Беда в том, что мне это не-вы-год-но! – Следователь снял очки и протер стекла грязным платком. – Да-с. Невыгодно! Придется возвращаться к этому уже закрытому делу. Вы же понимаете, как на это посмотрит начальство, ведь, расследуя дела, я должен укладываться в установленные сроки. И мне вновь придется копаться в грязи, выискивать доказательства, а их против него нет! Лишь домыслы, предположения... Хлопотно будет все начинать сначала, ой как хлопотно! – Он сделал многозначительную паузу. – Но я вам симпатизирую! Вы мне не верите, вижу по вашим глазам – не верите! Однако я вам правда очень симпатизирую и даже переживаю за вас! Не смейтесь, бывает, и ночами не сплю. Да-с.

Другое дело, – он весь подобрался и буквально впился в нее своими выпуклыми блеклыми глазками, – если вы собственноручно напишете, что раскаиваетесь, признаете свою вину... но только в соучастии! Главный вдохновитель и исполнитель чудовищного замысла – господин Шиповский! Ваши показания против него и имеющаяся у меня информация, что он, голубчик, жив, приведут к отсрочке приговора, а дело вернут на дорасследование. Следствие представит вас только соучастницей, я вам это твердо обещаю, и вместо виселицы – несколько лет тюрьмы. Когда вы выйдете, будете еще молодой и красивой!

Времени у нас совсем мало, вот бумага, чернила и перо. Стола нет? Не беда. Подложите эту книгу. Ах, это Библия! Да ничего – она достаточно большая. Даже в какой-то мере символично! Давайте, пишите, не тяните время, пишите, не раздумывайте.

Аника была ошеломлена сообщением господина Брюквина.

«Миша жив?! Вот почему не нашли его тело, а только одежду на берегу Днепра! – подумала она, пребывая в растерянности. – Он жив и, возможно, является истинным виновником смерти моих родных! Почему я думаю, что он убийца? По той причине, что этот мерзкий тип Брюквин внушил мне, что Миша покончил с собой вследствие угрызений совести и страха перед наказанием? А если Миша жив, то, может, он просто испугался? Он такой слабый, не верится, что мог решиться на такое...»

А как же моя искупительная жертва за предполагаемые грехи упокоившегося Михаила, раз он жив?! Ради чего или кого я должна нести свой крест на Голгофу?

Так что же, мне покаяться в чужих преступлениях и взвалить вину на Мишу, может, тоже невиновного человека?! Мне предлагается сделка: спасти свое тело, загубив душу, – или взойти на Лысую гору, пожертвовав телом ради спасения души. Этот Брюквин – сущий дьявол!»

– Я вас совсем не понимаю, господин Брюквин! Что вы мне предлагаете – оболгать человека ради спасения собственной жизни? – Аника старалась говорить спокойно и твердо, но голос предательски дрожал. Мираж спасения от виселицы промелькнул перед ней!

– Не капризничайте, барышня! Это ваш последний шанс избежать виселицы. Или так хочется поболтаться на веревке? – Брюквин почувствовал внутреннее состояние девушки. – Пренеприятное это зрелище, можете мне поверить. Не тратьте драгоценное время – оно работает против вас! Вы ведь не совершали всех этих злодеяний, а кто другой их мог совершить, кроме Шиповского? Кому это было выгодно? Его мотив – получить в результате своих злодеяний красивую девушку с большими деньгами! Тем более что он запутался в картонных долгах, а их надо платить. Да-с.

Он воспользовался вашей наивностью и глупостью. Да-с, барышня, именно глупостью! Это ваша глупость, а не благородство заставляет вас выгораживать его, это из-за нее вам грозит виселица. Сейчас в этой игре на кон поставлена ваша жизнь, другой у вас не

будет! Подумайте своей чудной головонькой: вам, значит, виселица, а ему – все удовольствия жизни и безнаказанность за свои преступления? Пишите, барышня, пишите и не злите меня, а то я передумаю. Зачем мне эти хлопоты? – и он страдальчески вскинул глаза на серый потолок камеры.

– Господин Брюквин! Только что вы сами признали меня невиновной в совершении этих чудовищных убийств. Когда вы были искренни – во время суда, где с вашей подачи на меня вылили море помоев и нелепых обвинений, или сейчас, разыгрывая сочувствие и принуждая меня написать поклеп на близкого человека?

Я не убивала своих родных, я не хочу умирать на виселице, я люблю жизнь и понимаю, что другой у меня не будет, но ни за что не соглашусь оговорить другого человека.

Не знаю, кто убил моих родных. Если Миша, то пусть суд определит его вину и покарает на основании настоящих доказательств, а не выдуманных!

Он скрылся? Да, он не герой, он слабый человек, но оговаривать его я не стану!

Если вы поможете мне избежать виселицы – буду вам благодарна всю оставшуюся жизнь! Вы ведь знаете, что я невиновна! Неужели совесть позволит вам смириться с убийством невиновного человека?!

Смеетесь надо мной? Какой же вы тогда слуга закона и справедливости? Вы преступник и подлец, сами должны предстать перед судом, если не земным, то небесным!

Открылась дверь камеры, показалось бледное лицо надзирателя. Он умоляюще взглянул на Анику, а потом обратился к Брюквину:

– Прошу прощения... Господин следователь! Прибыл начальник тюрьмы и конвой для этапирования осужденной в Лысогорский форт.

– Оставьте свои высокие призывы на будущее, если оно у вас будет! Не теряйте времени – истекают последние минуты вашей жизни. – Брюквин был холоден и деловит. Сердце Аники оборвалось в пропасть. – Последний раз спрашиваю: будете писать, чтобы избежать виселицы? В противном случае вы сегодня умрете! Да или нет? – Брюквин был крайне раздражен.

– Нет, – это слово вырвалось само собой, хотя внутри у нее все кричало: «Да! Все что угодно, но только не смерть!»

Брюквин усмехнулся:

– Вы сами сделали выбор, барышня, и вините только себя. Надзиратель! Осужденная Мозенз в вашем распоряжении для этапирования на место казни. Прощайте, барышня! Если придется еще свидеться, то, думаю, тогда вы будете более покладистой!

«Странные слова на прощанье. Он надеется еще увидеться со мной?! – в отчаянии подумала Аника. – Где и как? Почему он ушел, ведь он знает, что я невиновна! Он должен не допустить казнь! Я хочу жить, дышать, любить и быть любимой! Я не хочу умирать! Помогите мне, Господи!»

* * *

Виселица была установлена на западном бастионе форта. Стояла глухая ночь, и в небе купались звезды – обители бессмертных душ, покинувших брентную оболочку. Казнь была обставлена просто и буднично. Даже когда Анике на голову накинута черная мешок, ее не покидало ощущение, что это какое-то театральное представление, не верилось, что через мгновение она – молодая, красивая, девственно чистая – навсегда исчезнет из этого мира. Будут расти деревья, стоять дома, город будет жить своей обычной жизнью – только ее не будет.

Неожиданно она вспомнила рассказы преподавателя истории, большого почитателя египетской старины, о Долине мертвых, о последних убежищах почивших фараонов – тай-

ных усыпальницах, гробницах, скрытых в глубине громадных пирамид. Внутри погребальных камер гробниц всегда присутствовала надпись: «Вспомни мое имя, и я обрету вторую жизнь». Теперь, стоя на пороге, отделявшем жизнь от смерти, она стала про себя повторять эти слова вместо молитвы.

«Вспомни мое имя, и я обрету вторую жизнь!»

Пол провалился под ногами. Пронзительная, мучительная боль, парализовавшая тело, длилась вечно. Веревкой раздавлена гортань, легкие готовы лопнуть от недостатка воздуха. Голова начинает расти и превращается в новенький кожаный мяч, в который усердно накачивают темную красную жидкость. Но надетые не бедную головушку железные обручи не дают ей расти. Их прибавляют множеством гвоздей, и каждый удар отдается нестерпимой болью. Сердце неумолимо сжимают кузнечные тиски, а оно все не дается, колотясь с отчаянием обреченного, и вдруг превращается в стеклянный флакон, который разлетается на мелкие осколки под усилиями проклятых тисков. Лопается мяч, не справившись с обручами, и она летит в темный длинный туннель, из которого не видно выхода.

Врач убрал стетоскоп и констатировал:

– Наконец отмучилась, бедолага. Больше пяти минут – подобные случаи редкостны, даже уникальны. Все-таки это ужасное зрелище, господа! Особенно когда такая юная... Да-с. Занесите в протокол – смерть наступила в пять минут после полуночи.

* * *

У жандармского поручика, начальника конвоя для сопровождения смертницы, с хорошим послужным списком, подозрительно блестели глаза. Он решил напиться той ночью до поросычьего визга. Поручик станет проделывать это с завидным упорством и в последующие ночи, ибо сон покинет его, но облегчения он не будет получать. Некий женский образ, со временем все больше теряющий черты конкретного человека, будет преследовать его в снах и даже наяву. Пьяным он будет врываться в бордели, выискивая проститутку с коротко стриженными волосами, на коленях просить у них прощения и щедро наделять деньгами. У «жриц любви» с улицы красных фонарей даже возникнет мода стричься очень коротко.

2

– Господин унтер-офицер! Рядовой Прохоренко третьей пулеметной роты гарнизонной службы принял пост номер пять! – хмуро отрапортовал курносый низкорослый солдатик в длинной шинели, которая, казалось, полами мела землю.

– Что ты, братец, невесел, отчего нос свой повесил? – с издевкой спросил высокий статный разводящий, и два сопровождавших его солдата искривили губы в угодливых улыбочках. – Мертвяка испужался, што ли? Так они дохлые, ни на што не годные. Тем более баба! Чего молчишь?

– Никак нет, господин унтер-офицер! Не испугался я, захворал, – постарался бодро ответить солдатик, но это ему плохо удалось.

– Завтра, как караул сдашь, пойдешь к лекарю. Он тебе клистир и касторку пропишет, неделю из сортира не будешь вылезать. – Все трое расхохотались – один зло, а двое подобо-страстно. – Если снова, как в прошлый раз, зря тревогу подымешь, тебе уже никакой лекарь не поможет.

Все снова заржали, а унтер сунул кулак солдатику под нос.

– Вспомни наставления гарнизонной службы, которые гласят, чтобы на шорохи, шумы всякие внимания не обращать, ибо все это происки ветра, а службу нести зорко и бдительно.

– Слушаюсь, господин унтер-офицер! – безнадежным тоном согласился солдатик.

– Неси службу, служивый! – рассмеялся унтер-офицер, и два голоса подчиненных присоединились к нему эхом. Три фигуры превратились в тени и исчезли в ночной темноте.

Полная луна периодически пряталась в темных тучах, проглотивших звезды без следа.

* * *

Тишина была напряженной, иногда ее нарушали не поддающиеся объяснению звуки ночи. Страх заполнил душу маленького солдатика, всего год как призванного на службу из глухомани Полтавской губернии.

Он вспомнил, как обрадовался, когда узнал, что для прохождения воинской службы направлен в большой город. Но вскоре радость сменилась страхом, так как он попал в Лысогорский форт, расположенный на проклятой горе, с давних пор считавшейся обиталищем нечистой силы. Вся эта нечисть в дневное, светлое время дремала, а с наступлением темноты выходила на охоту за христианскими душами, поэтому он боялся ходить в караул в ночное время. А тут еще ему подвезло попасть на пятый пост, где прошлой ночью случилось что-то непонятное и страшное, в результате чего караульного Ворсунова направили в карцер, а сегодня отвезли на освидетельствование в госпиталь. Поползли слухи, что тот тронулся умом от встречи с призраком повешенной.

Солдатик, держа винтовку с примкнутым штыком и шепча спасительные молитвы, осторожно продвигался вперед. От расположенных на валу светильников внизу было мало света, поэтому ему приходилось изо всех сил напрягать зрение, с трудом сдерживая страх и стук барабанившего в груди сердца. Пятый пост располагался с наружной стороны вала, патрулирование предписывалось вести вдоль него. Маршрут был протяженный и пролегал возле западного бастиона, на котором не далее как три ночи тому назад была совершена казнь отравительницы.

С каждым шагом ужас все больше и больше овладевал им, в голову лезли всякие несуразности. Винтовка в руках больше не казалась ему грозным боевым оружием, несущим смерть, а виделась чем-то наподобие шутовской хлопушки, некогда купленной на деревенской ярмарке. Обливаясь потом в отнюдь не теплую ночь, он не выдержал, приблизился к

выходу из потерны № 2, закрытой мощными железными воротами, и на кирпичной кладке нацарапал штыком: «Спаси меня, Господи. Никодим. 1913 год».

Легче ему после этого не стало, в голову пришла мысль, что эти несколько слов переживут его на многие и многие годы. Было странно, что вот он стоит сейчас, молодой, здоровый, полный сил и жажды жизни, а эти еле видные кривые каракули сильнее его, так как им гарантировано бесконечное долголетие.

Машинально он сунул руку за голенище сапога, вытащил припрятанный кисет, «весточку из дома», полный душистого и злого самосада, злого, как командир отделения, унтер-офицер Сиротенко. Прошлой зимой за то, что он, стоя в строю на морозе, сунул заледевшие руки в карманы шинели, унтер приказал наполнить карманы песком и зашить – по два фунта в каждом! Наказание было бессрочным, пока унтер не сменит гнев на милость.

Солдатик свернул самокрутку и закурил, с удовольствием вдыхая вонючий дым, прикрывая рукой тлеющий огонек. Это был немалый риск – за курение на посту полагалось пятнадцать суток карцера. Но судьба была милостива к нему и не наслала проверяющих. Курение успокоило нервы, он даже приободрился. Солдатик спрятал окурки в кисет и вернул его на место, за голенище. Теперь он шел бодрее и уже не так боялся, хотя вот-вот должен будет проходить под западным бастионом, на котором зловещая виселица ожидала следующую поживу.

Отравительницу, казненную три ночи тому назад, закопали в ту же ночь возле старого дуба, пережившего строительство крепости. Он сам участвовал в копке могилы, но не в самом захоронении. Среди солдат ходило поверье, что висельники, казненные в крепости, на протяжении сорока дней и ночей шалят, делают разные пакости живым, и в это время нужно держать ухо востро. Оно и понятно, ведь по христианскому обычаю обязательно хоронят до заката солнца, а вот казненных – тайно, ночью, и могилу не запечатывают.

Перед самым бастионом бодрое настроение покинуло солдатика, шаг стал короче, двигался он медленнее, шел, словно на цыпочках, как будто боясь потревожить кого-то производимым шумом. А может, просто хотел скрыть свое присутствие. В сторонке треснула ветка, словно на нее наступили, и ужас овладел им.

«Свят, свят! Пронеси нечистую силу мимо, не дай лицезреть лик ужасный!» – прошептал он, беря наизготовку винтовку, ходуном ходившую в руках. Потом прокричал дрожащим голосом и совсем не по уставу:

– Эй, кто там? Выходи, а то пульну из винта! – В ответ – тишина. – Показалось! – вздохнул он с облегчением, но тут что-то неуловимое прошмыгнуло мимо, обдав могильным холодом.

Почему-то вспомнился ему процесс подготовки могилы для отравительницы. «Под тонким слоем земли оказался лёссовый грунт, копать было легко, не утомительно, но яму вырыли неглубокую, как-то не по-людски. Собаки могут разрыть».

Вновь что-то невидимкою промелькнуло рядом, и снова мороз пробежал по коже. Винтовка выпала из рук, почти без шума приземлившись на мягкую почву. Тут ему показалось, что он находится не на караульной тропе, а совсем в другом месте, возле еле заметного холмика свежей земли. Голос и ноги предали его – он не мог ни кричать, ни бежать прочь от этого страшного места. В голове зазвучал чужой голос, он принадлежал женщине: «Темно мне здесь. Душно, тесно. Жестко лежать». Солдатик почувствовал, как от ужаса у него на голове зашевелились, поднимаясь, волосы.

– Эй, дядя! Дядя! Дай закурить, Христом Богом прошу! Не пожадничай, а то проклянута! – услышал он сзади девичий голос и, пересилив себя, обернулся.

Перед ним стояла простоволосая девушка с длинными всклокоченными волосами, одетая в лохмотья, напомнившие солдату мешок, в котором похоронили повешенную.

– Ты ведь мне должен! Ты помнишь, дядя? – и она рассмеялась ужасным трескучим смехом, безумно сверкая темными глазами.

Солдатик сунул дрожащую руку за голенище, достал кисет, швырнул его в привидение и бросился бежать.

«Прочь отсюда куда подальше! Схоронюся среди людей, авось не найдут. А там подамся с каламашниками³ строить железку. Прочь, прочь отсюда! До следующей смены почти два часа, авось не хватятся раньше. Пока караульные будут искать, пройдет время. А там, даст бог, повезет, и найду пристанище», – решил он и, искусно обходя посты, стал выбираться изо рва наверх, а потом сбежал с проклятой горы навстречу играющему разными огнями городу.

У самого подножия горы, недалеко от устья реки Лыбидь, ему преградило дорогу плотное облако, сотканное из ночного тумана, но было в нем нечто странное, внушающее дурные предчувствия. Прохоренко, шепча про себя молитву о спасении души, с разбегу врзался в него. Облако, словно этого и ожидало, поднялось и исчезло в ночном небе.

* * *

На следующий день, ближе к обеду, на стол генерал-губернатора лег рапорт от коменданта Печерской крепости, в котором сообщалось следующее:

«Этим утром в окрестностях Лысогорского форта была задержана юродивая Дарья, фамилия и сословие неизвестны, до этих пор находящаяся по причине невменяемости в лечебнице для душевнобольных. Неизвестно, каким образом ей удалось обойти караулы, чтобы оказаться вблизи охраняемого форта. Предполагается, что сия юродивая Дарья в ночное время нагоняла страх на постовых, которые принимали ее за призрак недавно повешенной отравительницы Мозенз. В результате чего один солдат тронулся умом, а другой подался в бег, бросив пост. Поиски беглеца продолжаются. Виновные за недостаточную бдительность во время охраны важного военного объекта наказаны».

А через несколько часов комендант Печерской крепости полковник Никольский получил телеграфную депешу следующего содержания:

«В Таврической губернии, возле села Лысая гора, задержана некая странная личность в военном обмундировании, назвавшаяся рядовым Лысогорского гарнизона Прохоренко Никодимом. Сия личность пребывает в невменяемом состоянии и постоянно что-то твердит о бесах. При нем были обнаружены: вечное перо, пишущее странными сухими чернилами, которые не требуется промокать, зажигалка, работающая не на керосине, а, предположительно, на газе, и несколько цветных пакетиков неизвестного предназначения. Предполагаю, что сии невиданные штучки иностранного производства. Сам Прохоренко утверждает, что сии предметы получил от бесов в женском облике, которые разрушили Лысогорский форт, а его занесли сюда неизвестным способом. Приметы Прохоренко следующие...»

Полковник удивился чрезвычайно – перечисленные приметы сходились с описанием беглого солдата. Как за столь короткий срок он смог преодолеть триста верст?! Не иначе как не обошлось тут без чертовщины! Полковник вызвал адъютанта и продиктовал ответную депешу:

– Задержанную особу, выдающую себя за рядового Прохоренко, под конвоем доставить в Киевский гарнизон для выяснения личности.

³ Артельщики, сезонные рабочие, с весны до осени вывозившие землю с выравнивавшихся под стройку участков и засыпавших ею яры.

Часть 1

Вспомни мое имя

Звери бегут только при виде опасности и, убежав от нее, не испытывают страха. Нас же мучает и будущее, и прошедшее. Из многих благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвидение предвосхищает муки будущего.

Сенека

1

До окончания XX столетия оставалось всего два месяца, средства массовой информации и рекламщики плодотворно использовали чудное слово «миллениум», оракулы, экстрасенсы, всевозможные провидцы строили неутешительные прогнозы, приводя в качестве доказательства катрены Нострадамуса, выжимки из древних манускриптов, свои толкования неразгаданных писаний, дошедших до нас из туманного прошлого. Ученые, опровергая их, вносили свою лепту скептицизма в умонастроение людей в преддверии нового тысячелетия. Живущие во всех странах нервничали и, вопреки всему, надеялись на лучшее.

31 октября 1999 года в безымянном, чудом сохранившемся скверике, протянувшимся от Московской площади до Голосеевской, вдоль улицы 40-летия Октября, пока еще не переименованных, между пожарным депо и православной церковью, на облезлой, когда-то зеленой скамеечке, расположились две разбитные двадцатипятилетние девицы.

– А я тебе говорю: всё во власти случая! – воскликнула проститутка Анжела по прозвищу Косичка и для убедительности хлебнула пива прямо из бутылки.

– Не-а, все случаи запланированы свыше, как и вообще всё в нашей жизни. Как не рыпайся, а конец тебя не обойдет! – хохотнув, сказала проститутка Соня-Червончик, вкладывая свой смысл в эту фразу.

На самом деле ее звали не Соня, а Лариса, и не так давно кличка у нее была Скунс, омерзительное вообще-то прозвище. Но в прошлом году она широко отпраздновала десятилетие своей профессиональной деятельности, в результате чего за ней укрепилось новое прозвище – Червончик. А имя Лариса, как ей показалось еще в начале трудовой деятельности, только мешало работать – так она и стала Соней-Червончиком.

– Вот ты говоришь, умер у тебя муж – случай, приехала из глухого райцентра сюда в поисках работы – второй случай, познакомилась с ребятами, научившими тра...аться за бабки, подставила ты их, и выперли тебя из бара на большую дорогу – это какой у нас по счету случай? Да ладно, не напрягайся! – Соня посмотрела на свет сквозь пустую бутылку, расстроилась, что пива больше нет. – Да ни фиги это не случаи! Ты б...дь по призванию, и это на тебе отпечатано! Была законной б...дью, потом ресторанной, а сейчас ты «плечевая»! Вот и вся твоя жизнь, а случай – это только с кем будешь спать и сколько их будет!

Меня таскали все кому не лень по кустам и кладбищам с тринадцати лет, в четырнадцать я задумалась, что дальше делать, в пятнадцать вышла на Большую окружную дорогу, а сейчас я здесь – тут спокойнее и клиентура сносная. Я своего занятия не стыжусь – это лучше, чем горбатиться за швейной машинкой от зари до зари, а потом выпрашивать свои кровно заработанные денежки, которых хватит только на то, чтобы с голоду не сдохнуть! – Соня перевела дух, ее переполняли эмоции, и тут ей в голову пришла шальная мысль. – Эй, паря! – окликнула она проходящего мимо молодого человека с дипломатом, плящущего на

их длинные стройные ноги, затянутые в ажурные чулки и открытые взорам до самых ягодич из-за сбившихся коротких юбочнок.

Парень, вздрогнув, остановился и, несмотря на то что несся куда-то с видом сверхзанятого человека, подошел к ним.

– Парень, кого ты хочешь тра...нуть, меня или ее? – деловито спросила Соня. – Тридцать – тра...нуться, двадцать – минет, для студентов скидка двадцать процентов! – продолжила она, с удовольствием наблюдая, как лицо вихрастого юноши приобретает помидорный цвет.

– Деньги есть? Нет? Тогда можно по любви, только жениться придется, зато все удовольствия бесплатно! Что, не хочешь жениться, миленький? Тогда чего стоишь как столб? Мотай отсюда к ядреной матери! Козел вонючий!

Молодой человек пошел дальше, но уже не так быстро и, то и дело оборачиваясь, поглядывал на странных девушек.

Анжела – ее настоящее имя было Александра – всего неполный месяц трудилась на здешней ниве сексуальных услуг, и она сразу подружилась с Соней.

Работа «плечевой» – дорожной – проститутки по сравнению с ресторанной чревата экстремальными ситуациями, и это при более низких доходах. Ресторанная имеет сутенера, прикрытия, охрану, да и сам процесс происходит в приемлемых условиях. При необходимости клиента можно вычислить. «Плечевая» находится один на один с клиентом в уединенном месте и полностью от него зависит, а ведь неизвестно, что тому в голову взбредет. Зимой и весной этого года произошла серия пока нераскрытых убийств дорожных проституток на Большой окружной дороге. Так что «плечевая» обязана быть хорошим психологом – от этого зависит ее здоровье и сама жизнь.

Соня, обладающая большим опытом и стажем, взяла на себя роль наставницы Анжелы в освоении специфики этой работы и не только. Они традиционно встречались до работы, распивая пару-тройку бутылок пива, обсасывали какую-нибудь тему.

– Сонька, ты это зря, вот у меня вчера чуть не произошел этот самый случай! – мечтательно прикрыла глаза Анжела. – Утром возвращаюсь с хорошего бодуна – той ночью не работала, праздновали у Ляльки ее день рождения. Вы не знакомы, она вместе со мной работала в баре «Флоренция». Напилась я до чертиков, а ты меня знаешь, тогда меня тянет ездить и ездить. Полночи гоняла черт знает где, а утром оказалась возле Печерского моста без гроша в кармане. Сумочка моя у Ляльки осталась, там косметика и все прочее, а деньги дома – сейчас снимаю хату на Добром шляхе, это недалеко отсюда. Стою, голосую, и никакая б...дь не хочет везти без денег. Объясняю, что, как доедем, вынесу из дома без обмана, – не хотят! Жлобы! Наконец один дядька остановился – лет сорока пяти, сам черный, а глаза, – Анжела отпила еще немного пива и смачно вытерла губы тыльной стороной кисти, – добрые-добрые, но все равно довел меня до дверей квартиры, все боялся, что кину его. Получив деньжата, повеселел, а когда ехали к Ляльке за сумочкой, разговорился.

В разводе, живет в однокомнатной на Харьковском массиве, верующий – не пьет, не курит. Остановились – я себе пива взяла, его угостила кофе. Поболтали. Так хорошо баки забивает, так легко на душе становится – аж жуть. Сумку забрала и поехала с ним в Музей архитектуры под открытым небом. Он предложил. Первый раз побывала там за все время, что здесь околачиваюсь.

Там жуть как красиво, хатки соломенные, ветряки, старушки древние смотрят, чтобы руками не трогали их экспозицию. Мужик ко мне не приставал и телефон оставил. Пару деньков подожду, а потом позвоню. Вот тебе и случай! – Она торжествующе посмотрела на Соню.

– Это еще не случай – залезет под юбку, а потом пошлет подальше, знаю я этих мужиков! – Соня ощутила укол зависти, но не подала вида. – Пойдем, что ли, работать, а то от этих разговоров водки хочется.

– Не рано, еще совсем светло? – засомневалась Анжела.

– Раньше начнем, обильно кончим, – равнодушно бросила Сонька. – Пока дойдем, уже стемнеет. Еще и сходить надо кое-куда, мочевой пузырь лопается.

Их рабочее место находилось на Московской площади⁴, между кондитерской фабрикой, разбавляющей запахом карамели автомобильный смог, и центральным автовокзалом.

Только они расположились на своем месте и привычно приготовились к ожиданию, как возле них остановился длинный зеленый «форд» семидесятых годов. «Салон хороший, большой, это вам не какие-то там „жигули“ или „москвич“», – прикинула Соня.

– Девчата, куда вам ехать? – игриво крикнул в открытое окошко водитель, хмурый вид которого не вязался с веселым тоном.

– Мы уже приехали, а поедем, если есть что в карманах и в штанах, – взяла на себя переговоры Соня.

– Сколько? – деловито поинтересовался весь в кожаном прикиде водитель, поглаживая себя по темному ежику на голове.

– Сорок и тридцать, – чуть накинула для торга Соня.

– Идет, только я не местный. Где можно по-быстрому управиться в течение получаса? – спросил он, впервые посмотрев на Соню.

«Черт, опять не глянула на номер машины! – выругалась она про себя. – Иногородный – держи ухо востро!»

– Ближе всего на Лысухе! – ответила без раздумий.

– Где ведьмы водятся? – криво усмехнулся водитель. – Кого же из вас выбрать? Одной мало – двух много... – задумчиво произнес он.

– Не бойсь, парниша. Обслужим по высшему разряду! Забудешь жену, тещу и начальника! – озорно хохотнула Соня.

Анжела в сторонке, потупив взгляд, играла роль скромняги – на любителя. Водитель оценивающе осмотрел их.

Обе чуть выше среднего роста, стройные. Соня – медноволосая, Анжела – обесцвеченная блондинка, обе с толстым слоем косметики на лице, в почти одинаковой одежде темных тонов (короткие курточки и юбочки, тесно облегающие джемперы). У Анжелы – простоватое, крупное, округлое крестьянское лицо с замаскированными веснушками, короткая стрижка и великолепный большой бюст, а у Сони – чуть раскосые, очень выразительные глаза на худощавом продолговатом лице, чувственный носик и чудесные густые волосы, собранные на затылке в ракушку, и фигура лучше. Водитель усмехнулся и указал на нее пальцем.

⁴ Ныне площадь Демиевская.

2

Узкая асфальтированная дорога плавно ложилась под колеса автомобиля, закручиваясь в крутой серпантин. По обе стороны тянулись густые заросли кое-где еще зеленых кустов и деревьев.

«Дорога узкая, и, если что, не удастся разминуться со встречной машиной», – боязливо подумал Игорь. Словно в подтверждение его мыслей из-за поворота выскочила длинная темная иномарка, сердито блеснула фарами и в одно мгновение проскочила мимо. Игорь облегченно вздохнул. Вадим, поймав в зеркале отражение его лица, криво усмехнулся и пренебрежительно подумал: «Село и люди!» Восемнадцатилетняя Юлька сидела рядом и невозмутимо жевала жевательную резинку, положившись на искусство водителя. Была она высокой, светловолосой девицей с миловидным личиком, хрупкого телосложения, пожалуй, чересчур худой. Недовольно хмурясь, она ловила в салонном зеркале свою недавно обретенную короткую стрижку. «Чтобы я еще когда сунулась в парикмахерскую – да ни за что на свете!» – кляла она себя, оплакивая свои чудесные длинные волосы, тем более что модная стрижка ей не шла. Она расстегнула плащ, из-под светлой полосатой юбочки выглядывали длинные ножки в темных просвечивающихся чулках. Это зрелище действовало на Вадима завораживающе. Ему захотелось положить на них свою руку и крепко сжать, почувствовать их тепло. Но пока за спиной сидел Игорь, брат Юльки, испуганно тараща глазки, делать это было нельзя.

Вадим тяжело вздохнул, но, вспомнив, как чуть раньше и по другой причине вздыхал Игорь, рассмеялся. «Причины разные, а реакция одинаковая», – весело подумал он.

Юлька взглянула на него недоуменно: «Чего это он ржет ни с того ни с сего? Парень он прикинутый, с машиной, да уж слишком самоуверенный. Если он рассчитывает поразить меня этой старой железякой, то глубоко ошибается».

Серпантин закончился, и автомобиль выехал к длинному кирпичному забору грязно-серого цвета. За ним виднелись приземистые кирпичные постройки и мачты высоченных антенн. Дорога разветвлялась на две. Одну, уходящую влево, наглухо перегораживал старенький шлагбаум, а вторая шла прямо, вдоль забора, по ней и поехали. Вскоре забор закончился и автомобиль выехал на открытое пространство, ограниченное с одной стороны густым частоколом деревьев, с другой пузырились небольшие холмы, поросшие кустарником и редкими, в осеннем убранстве, деревьями.

Асфальт перешел в бетонку, вскоре превратившуюся в обычную грунтовую дорогу. Она шла то вниз, то вверх. Вадим, не щадя ходовую, смело гнал старенькие «жигули» по ухабам, не сбавляя скорости. Больше всего доставалось Игорю на заднем сиденье – его мотало из стороны в сторону. Чертыхаясь, он даже прикусил язык при «особенно удачном» попадании колеса в ямку.

Вадим крикнул Игорю, не оборачиваясь, так как дорога требовала пристального внимания:

– Шеф, не обижайся, но у меня задние амортизаторы потекли и не держат. Надеюсь, у тебя не приключится морская болезнь прямо в салоне. Если что – кричи, стёкла на задних дверцах не открываются!

Юлька пыталась улыбаться, энергично жуя «жвачку», уже потерявшую фруктовый привкус, – от нее было пресно во рту. Быстрая езда по ухабам ее увлекла, как катание на горках, хотя сердечко у нее замирало при виде больших, глубоких рытвин на дороге, в которые, казалось, вот-вот залетит грохочуще-скрипяще-визжащий автомобиль. Бесшабашность Вадима ей понравилась, она не терпела зануд и скуку. «Но все равно пускай не задается, столичный фраер!» – подумала она.

Дорога, перестав петлять между холмами, выбралась на небольшую равнину, слева ограниченную длинным высоким холмом с геометрически правильными склонами, густо поросшими деревьями. Справа круто обрывалась вниз лысая проплешина склона горы, открывая вид на раскинувшийся внизу промышленный район. Среди громадных заводских корпусов заблестела в лучах заходящего солнца прямая ленточка, плотно сжатая деревьями. Было непонятно, что это блестит, – водная гладь или мокрая автомобильная трасса. А дальше могучая река с рассыпанными по ее аквамариновому лону зелеными островками сливалась с горизонтом.

– Ведь это Днепр, правда, Вадим? – не удержалась девушка.

– Конечно, Юлька! – подтвердил Вадим и подумал: «Очень удивился бы, если бы здесь оказалась река Дунай, Темза или Миссисипи».

– А та узкая водная дорожка, словно вонзающаяся в Днепр, – это канал?

– Нет, это река Лыбидь, по которой во времена Киевской Руси ходили корабли, а сейчас она служит прибежищем промышленных отходов, – ответил Вадим, присматривая место для остановки.

Съехав на обочину, он заглушил мотор. С удовольствием потянувшись, хрустнул суставами, разминая одеревеневший позвоночник.

«Беспардонный до ужаса!» – осуждающе подумала Юлька и, поправив задравшуюся юбку, выбралась из машины. Два года тому назад она окончила школу и сразу поступила в пединститут, не так давно ставший университетом. Юлька считала себя умудренной житейским опытом, с устоявшимися жизненными принципами. Педагогический традиционно считался девчачьим вузом, а несколько парней, случайно оказавшихся на их курсе, были аморфно-инфантильными и ее не привлекали, как и она их. Поучившись на филологическом факультете, Юлька поняла, что это не ее, и захотела перевестись на журналистику. Она уже узнала, какие ей еще предстоит сдать экзамены. Журналистика ее больше привлекала. В старших классах она была бессменным редактором школьной стенной газеты, а кроме того у нее были публикации в городских газетах.

С Вадимом, товарищем по работе ее старшего брата Игоря, Юлька только сегодня познакомилась, и он ей понравился. Высокий брюнет спортивного сложения, с правильными чертами лица, он мог бы считаться красавцем, если бы не побитое оспинками лицо и невероятные рыжие глаза, которые вносили дисгармонию в его облик. Сегодня, оказавшись по делу у Игоря дома, Вадим сразу положил на нее глаз и предложил прокатиться на машине. Поездка на Лысую гору стала как бы продолжением их разговора о явлениях странных и непонятных, случающихся в жизни.

Все началось с книжки с диковинным названием «Молот ведьм», взятой Юлькой у подружки Зинки, – от нечего делать захотелось почитать. Книга была нудная и непонятная, но когда Вадим, лишь взглянув на название книжки, безапелляционно заявил, что это чушь, Юлька сразу бросилась в бой, чтобы доказать обратное. Игорь занял позицию третейского судьи, хотя спорящие не обращали на него ни малейшего внимания.

С ведьм спор перешел на вурдалаков, вампиров, оборотней и прочую темную погань. Вадим ссылался на статьи в газетах, журналах и даже на здравый смысл, а Юлька – на литературных персонажей Стокера, Мериме, Гоголя, Кинга и апеллировала к чувствам ребят. В конце концов спорщики вспомнили, что как раз сегодня праздник Хэллоуин, и решили, что неплохо было бы пощекотать нервы в подходящем месте.

Выбрав целью поездки Лысую гору, Вадим втайне мечтал под каким-либо предлогом избавиться от Игоря и остаться с Юлькой наедине. Юлька жаждала общаться и восхищаться. Игорь просто хотел убить время.

Багровое солнце быстро клонилось к горизонту, утомившись за короткий осенний день. Уже неяркие солнечные лучи напоследок скользили по желто-красно-бурой листве, чудом еще оставшейся на деревьях после недавних заморозков.

– Завтра возможны осадки, но вряд ли пойдет снег, – первым нарушил молчание Вадим.

Выйдя из машины, каждый из этой компании подумал об одном и том же: «И зачем мы сюда приехали? Что здесь делать в такое время, когда вот-вот опустятся сумерки?»

– Красное солнце еще ничего не значит, а Руслана Писанка пообещала теплую погоду на всю будущую неделю. Последнее бабье лето, – заметила Юлька.

– Бабье лето давно прошло, завтра уже ноябрь! Это незапланированные теплые денечки, – не согласился с ней Игорь.

– Скоро стемнеет, так что, если хотим что-нибудь увидеть, идемте быстрее, – вмешался Вадим. Он здесь уже бывал и решил взять на себя роль гида.

– Я на каблуках, мальчики, – предупредила Юлька. – Давайте не будем спешить.

– Ты знала, что идешь не на дискотеку, поэтому пеняй на себя, – окрысился Игорь.

– Смотреть здесь почти нечего, просто пройдемся и попытаемся уловить ведьминский дух, – успокоил Вадим.

– Если его не перебьет «Франция» Юльки! – продолжал цепляться к сестре Игорь, испытывая непонятное раздражение.

– Не «Франция», а «Италия», «Черутти», – это я для особо непонятливых и ограниченных. В наше время культурному человеку необходимо разбираться не только в живописи, музыке, но и в запахах, которые могут как привлекать, так и отпугивать, а также...

– Журнал «Натали» со временем сделает из тебя человека, если ты не будешь воспринимать все прочитанное там слишком серьезно, – грубо оборвал ее Игорь. – И мамыны духи необязательно брать, чтобы потом ходить, распушив павлиний хвост и отравлять атмосферу позаимствованной «культурой».

Юлька вспыхнула. Игорек, родной брат, очень обидел ее при постороннем! Ничего такого нет в том, что пока она пользуется мамыными духами! И это ее родной, старший брат!

Настроение у нее испортилось окончательно. Она стала готовить смертельно-ядовитую фразу, должную низвергнуть Игорька в тартарары и тоже испортить ему настроение, но тут Вадим, пожурил их:

– Ну что вы как дети!

Чтобы сгладить возникшую неловкость, Вадим заговорил о причине их поездки на Лысую гору.

– Празднование Хэллоуина основано на легенде о мертвце, вернувшемся в свое тело, – блеснул он своими познаниями. – День поминовения всех усопших, или День всех святых, вобрал в себя множество языческих обрядов. С давних времен люди боялись возвращения мертвых, отсюда и желание не только их умилоствить, но и сделать так, чтобы покойник не вернулся. Большинство погребальных обрядов направлено на это.

– Ты веришь в загробную жизнь? – Юлька похолодела, задав этот вопрос.

– Не помню, кто сказал, что после смерти нас ожидает такая же фигня, только еще фиговее, но с ним я согласен.

– В реинкарнацию душ веришь? – продолжала допытываться Юлька.

– Если в нее верить, тогда я, ты, Игорь уже жили раньше, возможно, даже знали друг друга, хотя это не обязательно. Однако ни ты, ни я, ни Игорь в нынешней своей ипостаси ничего не знаем о прошлой жизни, и это нам не мешает жить. Что с того, если какой-нибудь научный метод позволит установить, что в прошлой жизни ты была Екатериной Великой, Игорь – Малютой Скуратовым при дворе Ивана Грозного, а я, например, Берией? Это ничего не прибавит и не убавит. Ни заслуг, ни прегрешений. Это были совсем другие люди. Каждая физическая ипостась души – новый человек, отличный от предыдущего!

– А если наши жизни проходят по одному и тому же сценарию, только время меняет декорации? – глубокомысленно заметила Юлька. – Помните, в фильме про Свифта полицейский с ужасом узнал, что он прожил множество жизней, но всегда был полицейским и стоял на одном и том же перекрестке в маленьком городке?

– Выходит, ты была вертихвосткой и в прошлой жизни, – съехидничал Игорь.

Юлька обидчиво поджала губы, но промолчала. Игорь указал рукой на начавшее темнеть небо:

– Время работает против нас. Прибавим шаг или возвращаемся?

– Подискутируем после прогулки, – радостно согласился Вадим.

Лес, не полностью сбросивший осенне-абстрактное одеяние, встретил их могильной тишиной. Совсем недавно окружающий их мир был наполнен множеством звуков, что заставляло их говорить громче, и вдруг – обрушилась тишина. Пугающая тишина. А еще остро ощущался сырой запах леса.

Опавшая листва легким шелестом обозначала их путь. Вадим поразился, насколько враждебно-незнакомой стала окружающая местность. Он был здесь несколько раз в выходные дни (на шашлыках) и всегда удивлялся, сколько тут днем веселящихся компаний, собачников и празднично шатающихся парочек. А сейчас они были совершенно одни. Безмолвие леса вселяло тревогу, словно предупреждая о встрече с непознанным. Чтобы подбодрить спутников и себя самого, он произнес нарочито веселым голосом:

– До ведьминой норы осталось триста пятьдесят шесть шагов и две минуты жизни.

Юлька, еще не оттаявшая после безмерной подлости старшего брата, мысленно перебирала варианты мести, но ничего стоящего пока не смогла придумать. Разве что выпросить у Зинки имитацию мухи и, уловив момент, бросить ему в стакан с молоком? Представила большую, жирную, зеленую муху, но почему-то живую, с противно шевелящимся хоботком, грязными лапками, и ее чуть не стошнило. Достала на ходу пачку жевательной резинки, сама взяла пластиночку и угостила ребят.

«Пусть Игорька замучают угрызения совести от его низости и моего великодушия», – решила Юлька, тяжело вздохнула, и неизвестно почему ей в душу вдруг заползла тревога.

Игорь шел как сомнамбула, безропотно следуя за Вадимом. Он узнавал местность – здесь он бывал, и не раз, и не только наяву, но и во снах! Он не понимал, что с ним происходит, его мучило тревожное предчувствие, осознание того, что они что-то неправильно делают, а он из-за своего полусонного состояния ничего не предпринимает. Мог хотя бы настоять на том, чтобы все вернулись к автомобилю!

Они шли вдоль склона холма, слишком геометрически правильного, чтобы быть естественным, как вдруг что-то шумно завозилось на его гребне.

– Что это? – Юлька остановилась, недовольно поджав губы.

– Собаки или парочки балуются, прощаясь с дневным светом, – высказал Вадим предположение.

– Что же они там делают? – машинально спросил Игорь.

– Вопрос не в том, ЧТО, а КАК они это делают, вызывая столько шума! – опошил ситуацию Вадим и этим разрядил обстановку.

Вместе с Юлькой они стали фантазировать на тему трясущихся деревьев и потеющих кустов, деликатно не называя вещи своими именами, говоря эзоповым языком.

– Нора ведьмы! – прервал Вадим обсуждение животрепещущей темы и указал на овальное отверстие в склоне, облицованное желтым кирпичом, над которым виднелась цифра «6».

– Не пугай Юльку, – строго сказал Игорь. – Мы находимся на месте крепостного укрепления, а это потерна – специальный ход, через который бойцы гарнизона делали вылазки, осуществляли контратаки. Их тут шесть или семь.

В конце длинного коридора-туннеля виднелось серое оконце – выход, охраняемый искривленными темными щупальцами голых деревьев.

– Мы сюда пойдем?! – Уже тон заданного Юлькой вопроса говорил о невозможности этого действия.

– Мы туда не пойдем! – поддержал ее Вадим.

– Скоро совсем стемнеет, возвращаемся к машине! – скомандовал Игорь, но как-то нетвердо – он по-прежнему был полусонным.

– Мрак ночи укрыл толстым мохнатым покрывалом грешную землю! – страшным, противным голосом затянул Вадим, и у Юльки мороз по спине пробежал. – Из потайных нор и узких щелей выползла всякая нечисть, чтобы при свете полной луны воздать по справедливости людям за творимое ими природе зло. Время собирать разбросанные камни, время жать спелые колосья страданий!

– Перестань немедленно! – воскликнула Юлька и поддержала брата: – Уже совсем темно, пошли назад!

Уловив страх Юльки, Вадим непроизвольно выпятил грудь, расправил плечи и почувствовал, как наливаются свинцовой силой мышцы защитника перепуганных девчонок.

Высоко в небе купалась в набегающих тучах полная луна. Она освещала дорогу, по которой ребята шли назад, проклиная себя в глубине души за этот поход на Лысую гору в столь неподходящее время. Теперь они двигались в два раза быстрее и молча. От непрекращающегося непонятного шума, доносящегося с гребня холма, невидимого в темноте, по их спинам бегали мурашки.

Впереди возник силуэт быстро приближающегося к ним человека. Он был один – крепкий невысокого роста, в темном как ночь костюме и галстук. Бросалась в глаза его большая голова, непропорциональная по отношению к туловищу, с оттопыренными ушами-лопухами. Тяжелой отвисшей челюстью, скошенным лбом с залысинами, большим мясистым носом, пронзительно-черными глазами он напоминал бульдога. Лунный свет подчеркивал неестественно белый цвет его кожи. Это был урод, возможно, даже смешной при свете дня, но не во мраке ночи, да еще в столь пустынном месте.

Двум крепким парням и бесшабашной девчонке стало страшно от его холодного, беспощадного взгляда. Он шел посередине слабо освещенной грунтовой дороги прямо на них. Шел, как хозяин по своим владениям. Они непроизвольно расступились, пропуская его. Злой взгляд, как лезвие бритвы, полоснул каждого из них.

Не сговариваясь, они еще быстрее пошли к машине, проклиная бесконечный лес. Юлька не удержалась и оглянулась, чтобы увидеть, как темный силуэт растворился в темноте, направляясь туда, откуда они только что ушли.

«Он похож на Булгаковского Азazelло. Надеюсь, только внешне. Что он делает здесь в ночную пору?» – подумала она, но вслух ничего не сказала.

Лесная тропа закончилась, и они вышли на открытое пространство, свободное от деревьев. Как же они обрадовались, увидев автомобиль Вадима, грустно ожидавший их! Здесь было светлее – лунный свет щедро серебрил траву, дорогу, редкие деревья. Далеко внизу виднелась драгоценная россыпь электрических огней вечернего города. Все трое почувствовали себя свободнее, даже дышалось легче. Вадим подошел к автомобилю и, негромко чертыхаясь, стал возиться с замком на дверце. Юлька посмотрела в сторону леса, из которого они только что вышли, и вскрикнула от изумления и ужаса. Тот странный человек, который повстречался им на пути, вышел из леса и быстрым шагом направлялся к ним!

В мгновение ока они оказались в автомобиле, двигатель завелся с пол-оборота. Дав задний ход, Вадим развернулся на скорости не хуже, чем в американских боевиках, и погнал вперед.

Внезапно Юлька расхохоталась. Ее смех, вначале истерический, перешел в издевательский. Вадим, не понимая, в чем дело, сбросил газ. Юлька, судорожно хватая ртом воздух, пыталась говорить сквозь смех:

– Ребята... ха-ха... вы такие трусишки... ха-ха... испугались страшной картинки в темной комнате... ха-ха... Двое здоровенных лбов, каждый в два раза больше, чем этот карлик... ха-ха... Может, он заблудился и хотел спросить, который час... ха-ха... или как пройти в библиотеку... ха-ха...

Эти слова задели Вадима за живое, и он остановил автомобиль.

«Девчонка права! Испугались карлика-урода! Тряпки мы!» – Вадим вновь почувствовал, как свинцом наливаются его мышцы супергероя! Оглянувшись, он не увидел плюгавенького человечешку, видно, тот, страшилка этакая, не смог догнать их автомобиль!

В голове у Игоря по прежнему царил хаос. Мысли, воспоминания, не задерживаясь, пролетали мимо сознания, оставляя в нем слабенькую рябь чего-то смутно знакомого. Ехидные слова Юльки доходили до него как сквозь вату. «Что она мелет, эта девчонка? Она сообщает, в чем нас упрекает?!» – со злостью подумал он. У него было чувство, что они избежали серьезной опасности.

– Нам бы не помогли закрытые окна и дверцы машины! Заткнув тряпкой выхлопную трубу, он обездвижил бы автомобиль, затем палкой или кирпичом разбил бы стекла и добрался бы до нас, – вслух ответил он на вопрос, который задавал себе каждый из них: «Что было бы, если бы мы не уехали?»

– Ну не могло все произойти так, как ты грузишь! Кирпичи, как я заметила, не валяются здесь на каждом шагу, и он должен в кармане держать большое полотенце – она развела руки в стороны, показывая его размеры, – а не носовик – им выхлопную трубу не заткнешь. Что он мог нам троим сделать? – разозлилась Юлька, восприняв предостережение брата как проявление слабости. – Тоже мне, старшой называется!

– Мы правильно сделали, уехав с того места! – не унимался Игорь.

– Неправильно! – выкрикнула во весь голос Юлька. – Я сейчас это докажу! Пройду в одиночку до того места и обратно, а вы, трусы, сидите здесь и дрожите до моего прихода! – и попыталась открыть дверь.

– Сиди и не рыпайся, соплячка! Суповой набор с воображением! – не на шутку разозлился Игорь и, перегнувшись через сиденье, не дал ей открыть дверцу.

Злые слова подстегнули Юльку. Она, приложив невероятные усилия, все-таки открыла дверцу и буквально вывалилась наружу. Игорь ринулся за ней, Вадим – за ними.

Пощечина обожгла щеку Игоря, и он, не помня себя от гнева, залепил сестре такую оплеуху, что она, расплакавшись, как подкошенная упала на траву. Вадим обхватил обеими руками Игоря, не давая тому в слепой ярости добраться до рыдающей Юльки.

– Ты что, с ума сошел?! – бросил он Игорю, и тот стал постепенно приходить в себя.

«Что со мной происходит? Почему я ударил сестру, к которой никогда раньше и пальцем не прикасался? Откуда взялась непонятная злость, переполнившая меня до предела? Почему меня покинул разум? Если бы не Вадим, то я жестоко избил бы Юльку!» – пронеслось у Игоря в голове. От охватившего чувства бессилия и опустошенности руки у него задрожали, как у алкоголика.

Он постепенно успокаивался, вновь переходя в прежнее сонливое состояние, а у Юльки началась истерика. Она сидела прямо на холодной земле в испачканном светлом плаще и заходилась в рыданиях, ее била лихорадочная дрожь. Вадим, бросив Игоря, попытался успокоить ее. Сквозь слезы она твердо заявила:

– Не поеду с ним в одной машине. Езжайте, я доберусь домой сама!

Юлька резко отбросила руку Игоря, подошедшего, чтобы извиниться.

– Я тебе этого никогда не прощу! Я тебя ненавижу! Уезжайте, я хочу побыть одна! – выкрикнула она и вновь зарыдала.

Потратив еще четверть часа на уговоры, Игорь убедился в тщетности своих попыток примириться.

– А есть другой путь, кроме того, по которому мы приехали? – спросил он у Вадима.

– Да, если идти по этой грунтовке до начала бетонки, а там повернуть налево, к деревьям, то выйдешь к лестнице, по которой можно спуститься к подножью горы. Оттуда не так далеко до автовокзала или до троллейбусной остановки на проспекте Науки, можно пешком дойти, – оживился Вадим. Он понял задумку Игоря, и у него быстро-быстро забилося сердце от сладкого предчувствия...

– Пожалуй, я пойду пешком! – очень громко сказал Игорь и, не услышав возражений, вздохнул. Подошел к Юльке, которая уже не плакала, а только всхлипывала. – Я пойду пешком! – повторил он. – А ты езжай с Вадимом домой! Только сразу домой, не ищи приключений на этой горе!

– Проваливай! – бросила ему на прощание сестра.

Игорь вскинулся было, но промолчал. Подошел к Вадиму.

– Отвези ее домой и не иди на поводу ее фантазий. Она еще сопливая девчонка! – громко сказал он, так, чтобы услышала сестра.

Юлька в ответ лишь поджала губы, при этом верхняя превратилась в тонкую линию.

– Не задерживайтесь, сразу езжайте, – напутствовал их Игорь уже тихим голосом.

Развернувшись, он зашагал по грунтовой дороге, освещенной только лунным светом.

Он шел медленно, то и дело оборачиваясь и глядя туда, где уже растворились в темноте сестра, Вадим и автомобиль. Наконец послышался нарастающий шум мотора, вспыхнули два слепящих круга, по мере приближения увеличивающиеся в размерах. Игорь стал у края обочины. Автомобиль пронесся мимо, слабо просигналив, и вскоре стали видны лишь две быстро уменьшающиеся красные точки. Игорь вздохнул и уже быстрее пошел по дороге следом за автомобилем. Вдруг красные точки свернули направо, и темноту разрезал длинный желтый луч. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце.

Игорь прекрасно помнил, что, выезжая на эту дорогу, они слева обогнули бетонный забор, и поэтому на обратном пути автомобиль должен был свернуть вправо и сразу исчезнуть из поля зрения за крутым поворотом! Этого не произошло, он все еще осторожно двигался наискосок, светя фарами, а значит, Вадим свернул раньше поворота на дорогу, ведущую вниз! Вдруг шум двигателя стих, огни фар погасли. Вадим – сволочь! Юлька – дура, соплячка, возомнившая о себе невесть что! Игорь бегом бросился вперед, пытаясь в темноте определить место, где они свернули с дороги.

3

Вадим, уменьшив громкость приемника, чтобы музыка звучала тише, с чувством произнес:

– Чудная ночь! – и, как бы случайно, положил руку Юльке на колено.

Он почувствовал, как напряглись ее мышцы, но она не попыталась сбросить его руку. Решение пришло сразу, и Вадим больше не раздумывал. Игорь остался далеко позади и домой доберется минимум часа через полтора, а дальний свет фар выхватил на примятой траве автомобильный след, уходящий в сторону от дороги, к холмам. Притормозив, резко повернул и поехал по этому следу. Скорость из-за кочек упала до минимума, «жигули» качало, как щепку во время шторма, заставляя дребезжать всем, чем только можно.

– Мы правильно едем? Что-то этой дороги я не помню. – забеспокоилась Юлька, пытаясь рассмотреть что-нибудь в темноте через боковое окошко.

– Надеюсь, что правильно. Здесь все дороги ведут к спуску! – соврал Вадим, чтобы успокоить Юльку.

Машина медленно ползла вдоль тропинки и глубокого оврага, мимо редких деревьев.

– Мы здесь не проезжали! – заявила Юлька, и в это время свет фар осветил тропинку, проскользнувшую мимо двух молодых дубков и покотившуюся дальше, туда, где автомобиль уже не мог проехать.

Старенькие «жигули», скрипнув тормозами, стали.

– Ничего, сейчас сориентируемся на местности и найдем правильный путь! – бодро сказал Вадим и положил левую руку Юльке на плечо, а правая, скользя словно уж, оказалась на ее талии. Она не успела сообразить, как на это отреагировать, а Вадим уже привлек ее к себе и прижался губами к ее холодным, плотно сжатым губам.

Юлька, решив строить из себя «ушлую девчонку», отвечала на поцелуи, но намеревалась досчитать до двадцати, а потом скомандовать: «На сегодня хватит!» – и тогда они уедут со злосчастной горы. Пока весь любовный опыт Юльки ограничивался несколькими поцелуями и осторожными объятиями с парочкой ребят из параллельного класса. В «девчачьем» вузе ситуация не улучшилась, да и учебная программа оказалась тяжеловатой, так что на личную жизнь оставалось совсем немного времени. До сих пор ей всегда удавалось холодно-командным тоном ставить на место чересчур разгорячившихся ребят. От умудренных опытом подруг она знала, что, когда слова не помогают, надо схватить парня за шевелюру, сильно тряхнуть – и он сразу успокоится.

В свои неполные девятнадцать лет Юлька считала себя обойденной вниманием ребят. В школе ее считали чересчур тощей и холодной девицей, поэтому ей никто не звонил вечерами по домашнему телефону, не дышал молча в трубку. Не выстраивалась к ней очередь, чтобы пойти на дискотеку, и приходилось ходить туда с подругами. Когда доводилось знакомиться с интересными ребятами, они почему-то сразу заинтересовывались ее подружками. А может, дело в том, что подружки у нее были более разбитными и казались доступными?

«Друзей среди девчонок нет, есть только соперницы. Они хороши лишь для того, чтобы убивать время», – этот вывод Юлька сделала давно.

Вадим больно кусал ей губы, горячо дышал прямо в рот и языком упрямо доставал ее язык, и это было почти приятно. Но когда он одной рукой полез под блузку, а другой – под юбку, она твердо скомандовала:

– Нет! Хватит!

Ее слова не произвели на него ни малейшего впечатления, и секретный прием тоже не помог – рука скользнула по коротко стриженным волосам, словно погладила.

Она стала бороться по-настоящему, собрав все свои силы, но противник попался очень умелый. Во время борьбы он ухитрился расстегнуть все пуговицы на ее блузке, а также поддерживающий юбку пояс. Вскоре был расстегнут и бюстгальтер. Выглянувшие молочнорозовые небольшие груди резко контрастировали с загоревшим телом. Вадим впился губами в сосок, стал яростно его сосать, и волна небывалого возбуждения захлестнула девушку. Почувствовав, что сопротивление Юльки начало ослабевать, Вадим попытался стащить с нее колготки, как вдруг автомобиль трянуло от сильнейшего удара по крыше.

Вадим мгновенно отпустил Юльку и, тяжело дыша, откинулся на спинку водительского кресла, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть снаружи. Сильно запотевшие стекла, еще мгновение тому назад создававшие подобие уюта, сделали их пугающе беззащитными.

Схватив тряпку, Вадим стал осторожно протирать стекла, боясь взглядом натолкнуться на нечто враждебное и ужасное. Но машину плотно окутывала непроницаемая тьма.

– Что это было? – дрожащим голосом с трудом выговорила Юлька, приводя в порядок одежду.

– Может, ветка с дерева упала на крышу? – предположил Вадим и испугано воскликнул: – Или Игорь?!

– Брат бы тебя уже вытащил из машины! Скорее всего, метеорит или кусочек Луны нас навестил! – съехидничала Юлька. – Давай трогай отсюда, не нравится мне тут! Да и поведение некоторых оставляет желать лучшего. Как на это отреагирует братик, когда я ему все расскажу в подробностях? – тон ее стал мечтательным.

– Неужели обязательно ему рассказывать? – Вадим на мгновение даже забыл о странном шуме. – Игорь может неправильно понять!

– Он поймет правильно – ведь ты меня собирался изнасиловать, Вадим-хлопчик? – разозлилась Юлька и, несмотря на ситуацию, пошутила: – Говорить о том, что ты, как настоящий мужчина, обязан на мне жениться после всего, что было, будем потом, в более спокойной обстановке!

– Так ничего не было! – испугался Вадим страшного слова «жениться». – Просто немного пообнимались!

– Нет, было! Какой-то дегенерат чем-то грюкнул по крыше твоей паршивой машины, и, вместо того чтобы побыстрее уехать, ты ведешь идиотские разговоры! – Юлька со злостью смотрела на Вадима. Теперь она удивлялась тому, что он мог ей нравиться и она ему чуть не поддалась.

– Заведи, наконец, свою машину, и поехали! – Злость и страх рвались наружу.

Машина завелась, свет фар не обнаружил впереди ничего странного и угрожающего. Вадим вздохнул с облегчением, вспомнив пророчество Игоря о тряпке в выхлопной трубе. Шум работающего двигателя успокоил Юльку, и она продолжила приводить себя в порядок.

Разворачивать машину в темноте на узком участке, где с одной стороны мешают деревья, а с другой – глубокий овраг, было рискованно. Вадим стал осторожно сдавать назад. Вдруг автомобиль снова сильно трянуло, он резко наклонился влево, и двигатель заглох. Вадим чертыхнулся, поняв, что переднее колесо провалилось в незамеченную им яму. Он завел двигатель и попытался тронуться с места. Двигатель ревел во всю мощь, но вытянуть машину из ямы не смог.

Вадиму пришлось выйти из автомобиля, хотя ему этого очень не хотелось, и убедиться, что тот передним левым колесом сидит в небольшой, но глубокой яме, днищем упираясь в землю. Чертыхаясь, он зачем-то достал домкрат, понимая, что в такой ситуации воспользоваться им не сможет. Он попытался пальцами сделать подкоп, но твердая земля не поддавалась. Лопаты или чего-то подобного у него не было. Приподнять передок автомобиля самому тоже не получилось. Он позвал Юльку, но и вдвоем они не смогли выволочь колесо из западни.

Они вернулись в салон автомобиля, Вадим, нервничая, закурил, что было против его правил. Испуганная Юлька, забившись в угол, молча, наблюдала за ним. Табачный дым ее раздражал, но она не решалась опустить стекло, страшась невидимой опасности, притаившейся в темноте.

– Есть два варианта, – наконец изрек Вадим. – Ожидать рассвета в автомобиле, а затем по светлomu идти искать помощь, или то же самое сделать сейчас, не откладывая.

Юльке не хотелось покидать салон автомобиля, теперь казавшийся таким уютным, но воспоминания о недавнем страшном ударе гнали ее подальше от этого места. Опасно идти в темноте, но еще опаснее ничего не делать и оставаться на месте.

– Будем идти! – решила она, а когда Вадим сказал, что у него нет фонарика, заявила: – Свет луны нам поможет.

Не успели они отойти от машины на десяток шагов, как темная туча поглотила тусклый серп луны и все погрузилось в непроглядный мрак.

– Мне страшно, – тихо проговорила Юлька и еще крепче сжала руку Вадима. – Давай вернемся к машине.

«Сказать проще, чем сделать. Как найти в полной темноте машину, когда тропинка, по которой шли, петляла между деревьями?» – подумал Вадим, но для уверенности громко сказал:

– Конечно, возвращаемся!

Вадим, ничего не видя в темноте, пытался одной рукой нащупывать постоянно возникающие преграды в виде веток деревьев, другую руку, словно клешнями, сжимала Юлька. Они вынужденно передвигались черепашью шагом. Им казалось, что вдруг все окружающее пространство заполнилось невидимыми деревьями и цепляющимися за ноги кустами. Вадим считал шаги, по его расчетам, они должны были уже оказаться возле машины, но ее все не было. Нервы у обоих напряглись до предела, и Вадима, и Юльку мучило предчувствие, что вот-вот должно что-то произойти, и вряд ли хорошее.

Вдруг Вадим вскрикнул страшным голосом, с силой вырвал руку из ладони Юльки и исчез. Юлька, завопив от ужаса, бросилась сломя голову бежать вперед, но тут земля ушла у нее из-под ног, и она, ломая кусты, полетела в неизвестность.

Падение переросло в скольжение, и, когда оно прекратилось, Юлька осталась лежать на земле, распластанная, с вытянутыми вперед руками. Бесшумно поплакав минуту-другую, она встала на четвереньки, прислушалась к обманчивой тишине и только тогда поднялась. Колготки порвались, болели ободранные до крови колени. Ей хотелось плакать, кого-нибудь винить в том, что она оказалась здесь, и в таком виде, а брат-изменщик бросил ее и, наверное, уже спустился с этой чертовой горы.

О судьбе Вадима, так страшно вскрикнувшего, она старалась не думать – ей бы узнать, что ее саму ожидает! Видимо, она свалилась в овраг, но как из него выбраться? Ей вспомнились его крутые склоны. А что, если громко позвать Вадима? Жив ли он, и, если жив, почему молчит? Даже если у него все в порядке, не полезет же он за ней сюда, в овраг? И не призовет ли она, подав голос, нечто ужасное, обитающее здесь? Вроде того урода, похожего на вампира! По коже побежали мурашки, ей стало очень холодно, зубы принялись выбивать чечетку.

«Попасть такому в руки?! Бр-р, ужас какой!» – подумала Юлька, вслушиваясь в тишину. Вдруг раздались человеческие голоса, или ей только показалось? Она вздрогнула, но не испугалась. Страх ушел, а холод пронизывал до самых косточек. «Полцарства за стаканчик горячего чая! С лимоном желательно! Но никому не нужно полцарства!» – с такими мыслями она стала осторожно двигаться на голоса. Идти ничего не мешало – деревья и кусты остались наверху. Вскоре она уже хорошо слышала человеческую речь. Затем смех. Заливистый девчачий смех, который был ей сейчас милее всего на свете. «Зло и такой непо-

средственный, великолепный смех несовместимы», – подумала она и стала энергичнее продвигаться вперед.

Туча зазевалась и выпустила бледную луну, которая даровала свет уснувшей земле. Стало светлее и в овраге, по дну которого продвигалась Юлька. Она снова испугалась, поняв, что голоса доносятся словно из земли, из склона оврага! Вспомнились рассказы о мертвецах, встающих из могил ночью и весело коротающих время, охотясь за живыми.

Однако вскоре ее страхи умерились – она поняла, что человеческая речь доносится из большой черной дыры в склоне оврага, внутри которой горел костер. «Ведьмина нора» – так назвал ее Вадим, а Игорь обозвал чудно – потерной. И в этой норе-потерне весело возились и шумели. Юлька набралась смелости и шагнула в туннель.

4

Страшная боль от хлестнувшей по глазам ветки заставила Вадима завопить нечеловеческим голосом и вырвать свою руку у Юльки. Ощупав лицо, он убедился, что глаза на месте. Прижав к ним руки, Вадим сел на корточки и прислонился спиной к невидимому дереву. Боль не утихала, а слепящая темнота пугала.

«Я не вижу из-за окружающего мрака или все-таки что-то с глазами?» – со страхом подумал он. Рядом заорала Юлька – видимо, что-то ее очень напугало. Ужас происходящего заставил его забыть о том, что глазам больно. Девушка бросилась бежать, но что-то повергло ее на землю и с шумом поволокло вниз. Затем наступила тишина. Была Юлька – и нет ее!

Вадим почувствовал, как кровь заледенела в жилах. О том, чтобы помочь Юльке, он даже не помышлял. Ведь наступившая тишина убедительно говорила о том, что ей уже ничем не поможешь, и любой шум мог привлечь внимание того ужасного и непонятного, что скрывалось во мраке, к нему самому! На память пришли триллеры «Чужие», «Бездна», «Живые мертвецы» и другие, названия которых не помнил. Зато хорошо помнил их содержание, еще больше леденящее кровь. Сдерживая дыхание, чтобы не выдать своего присутствия, Вадим оставался в том положении, в каком его застал крик Юльки. Ему хотелось помочиться, но громкий шум струи мог... Лучше об этом не думать!

Вадим явственно услышал правее себя шум и глухие удары, от которых еще больше съезжился. Вновь выплянула луна, стало светлее, и Вадим обнаружил, что сидит в трех шагах от собственной машины, а почти голая Юлька чем-то колотит по боковому стеклу, сверкая ягодицами.

– Совсем сдурела! – зло подумал Вадим и, поднявшись, направился к ней.

Молча схватив ее за плечо, он предотвратил очередной удар. Теперь он понял, что это не Юлька, а весьма привлекательная ведьмочка, на которой был лишь плотно обтягивающий небольшие груди короткий джемперочек. И все! Ее тело оказалось холодным, неживым, как у мертвеца! Вадим почувствовал, что сейчас потеряет сознание от ужаса.

– Дай ключи от машины! – деловито, почему-то дрожащим голосом потребовала ведьма.

Вадим молча протянул ключи. Она завозилась с замком.

– Можно я... – попросил Вадим, не в силах до конца сформулировать свою просьбу, но чувствуя, что уже не в состоянии удерживать рвущуюся наружу мочу.

– Валяй! – милостиво согласилась ведьма, не дождавшись продолжения фразы. – Ты мне потребуешься, так что не уходи!

Вадим повернулся к ней спиной, расстегнул zipper и прошел ближайший куст энергичной струей. Облегчение долго не наступало, но ощущения были близкими к экстазу. Оцепенение не проходило, мысли по-прежнему тормозились. Ведьма тем временем не только залезла в машину на водительское место, но и завела двигатель!

– Эй, послушай, как тебя там! Если ты уже закончил, то подскажи, как включается печка, я сама не разберусь! – крикнула она, перекрыв гул мотора.

Вадим нагнулся, просунул голову в открытую дверь и непослушным пальцем нажал на клавишу на приборной доске. Засветился красный огонек, и заработал вентилятор.

– Чего стоишь как столб? Садись! – приказала ему ведьма.

«На Хоме Бруте ведьма скакала по долинам и по взгорьям, – судорожно вспомнил он „Вий“ Гоголя. – Может, теперь они предпочитают более современный транспорт, например автомобиль?»

– Есть, что выпить? Никак не согреюсь! – скрежеща зубами, сказала ведьма.

«И холод могил не согреть никаким огнем», – вспомнились чьи-то слова.

– Разве ведьмы употребляют? – брякнул он и с силой сжал веки, испугавшись собственной глупости. «Идиот, я назвал ее ведьмой и этим, может быть, обидел, как если бы афроамериканца назвал ниггером!» – пронеслось в голове.

– Ведьмы, хм, все употребляют! В такую погоду – что покрепче! – разъяснила ведьма.

Вадим взял ключ от багажника и принес припасенную там на всякий случай бутылку водки.

– Стаканов нет, – сообщил он.

– Ничего, и так пойдет. Поухаживайте за дамой... дамой-ведьмой, ведьмой-дамой, – сказала она, возвращая ему бутылку, чтобы он ее открыл, – от холода руки у нее ходили ходуном.

Сделала глоток, второй и закашлялась. Снова протянула ему бутылку:

– Теперь ты... Как тебя зовут? Вадим? Очень приятно. Ведьма. Вот и познакомились.

Бутылка несколько раз переходила из рук в руки, и обстановка достигла такой температуры, какую не смогла бы обеспечить автомобильная печка. Ведьма оказалась забавной и смешливой. Знала массу анекдотов, но, как и положено ведьме, очень сальных. Вадим расслабился и все чаще поглядывал на два соблазнительных бугорка с твердыми вершинами, скрытые под тонким темным джемпером. Ну а о том, что находилось у нее ниже руля и было скрыто только темнотой, Вадим старался не думать. В бутылке оставалось меньше половины, и ведьма предложила-приказала выпить на брудершафт. Вадим зажмурился, крепко сжал губы и внутренне содрогнулся от предстоящего мертвенно-холодного прикосновения.

Губы у ведьмы оказались большими, влажными и очень горячими. Она быстро сломила сопротивление губ Вадима и забросила его руки на свои плечи.

– Согреемся? – предложила она.

Почувствовав под своими руками горячую женскую плоть, Вадим ожил, и его рука совершила экскурсию по ее телу. Результат его восхитил – тело было упругим, горячим, с нежной, чуть влажной кожей, все такое зовущее. А эти два пружинящих молочных колобка с твердыми наконечниками, буквально выпрыгнувшие из-под джемпера, могли принадлежать не простой земной женщине, а только ведьме!

Ведьма необычайно быстро лишила его пиджака, рубашки, майки, расстегнула пояс и zipper на брюках, остальное снял он сам. Вадим откинул оба сиденья, она тут же оказалась на нем... И в этот момент Вадим почувствовал, что не готов. Его самый главный орган был не готов ко встрече с лоном ведьмы. Предал его! Он испугался – вдруг ведьма обидится или, и того хуже, разозлится? Ведьма, ощутив тряпично-падающую безвольность, рассмеялась нежно и ободряюще и неожиданно нашла множество ласковых слов, при этом глядя, лаская-заглатывая и слегка покусывая зубками его орган. Эти заклинания ведьмы сотворили чудо – тот, налившись железом желания, воспрянул.

Машина жалобно стонала неисправными амортизаторами и проседала во время их любовно-акробатического этюда. Главную роль в дуэте играла ведьма, но действовала тактично, не ущемляя самолюбия мужчины. То, оседлав его, заставляла невольно вспомнить того же Хому Брута, то, оказавшись внизу, старалась слиться с ним в одно целое, то откидывалась на бок, прижимая его руки к своим грудям и склеив уста обоих поцелуем. Позы, движения сменяли друг друга, и постепенно ведьмочка довела Вадима до извержения-изнеможения, затем она вновь прибегла к колдовским манипуляциям, и он вновь был готов.

5

Игорь, сойдя с грунтовой дороги, попытался сократить путь и пошел напрямик. Под ногами оказались сплошные ямки и кочки, крайне затруднявшие движение. Но тут он вышел на тропинку, вроде как идущую в нужном ему направлении. Злость вывела его из сонного состояния.

«Вот тебе и Вадим! Можно сказать, близкий друг. И эта шпингалетка тоже хороша! У нее ветер в голове гуляет, вот и вертит хвостом перед взрослым мужчиной!» – возмутился он.

Тропинка резко повернула направо, устремилась вверх и закружила среди деревьев. Злость ушла, вернулось состояние сонливости. Оставшись в одиночестве, он ощутил некую раздвоенность. Как будто он шел по тропинке и в то же время наблюдал со стороны за тем, как идет по ней. Подобное состояние иногда у него случалось, и только тогда, когда он оставался один.

Он не любил солнце, как Юлька, загар вызывал у него отвращение. Однажды, когда ему было тринадцать лет, он со своим другом, соседом по школьной парте, Борей Лутошкиным, забрался вглубь Труханова острова, на Бабьи озера. Целью их экспедиции была проверка рассказа Сашки Острога, признанного в классе вруна и фантазера, о том, что в этих озерах женщины и девушки купаются голышом, поэтому такое название, а представителям мужской стати туда ходить запрещается. Но, как говорится, запретный плод сладок.

Была середина знойного лета, и Игорь нехотя тащился неизвестно куда, неизвестно зачем. Нельзя было отказать другу, к тому же это было бы равносильно признанию в трусости. Пока они добирались до озер, Игорь изнывал от слепящего жаркого солнца, обжигающего даже сквозь рубашку и штаны. Берег озера густо порос кустарником и редкими деревьями, но это не спасало от испепеляющего солнца. Рассказ Сашки, как и следовало ожидать, оказался враньем. По берегам огромного озера были небольшие песчаные пляжи-пятачки, переполненные людьми всех возрастов, обоих полов, но среди них не было ни одного голого!

Боря, как настоящий исследователь, предложил обойти озеро вокруг, чтобы не осталось никаких сомнений. Когда они проходили по противоположному, более заросшему и, казалось, безлюдному берегу озера, Боря вдруг замер, как гончая, увидевшая дичь, и знаками велел Игорю пригнуться. В воде плескались две голые девушки! В конце концов баловство им наскучило и они на берегу предстали во всей своей обнаженной красоте. Им навстречу нетвердой походкой вышла еще одна девушка, стащила с себя купальник и, небрежно бросив его на траву, плюхнулась в воду. Друзья наблюдали за ними, скрываясь за кустом.

– Эй, приятели! Зенки у вас не повылазят? – услышали они за спиной и, обернувшись, увидели хмурые пьяные лица двух здоровенных ребят. Парень, задавший вопрос, обдал их водочным перегаром и скривил ехидно губы, второй – повыше, потолще, с большими губами-лаптями на круглом лице – просто молча съездил по уху сначала одному «приятелю», потом второму.

Нанеся им по несколько ударов ногами, парни поволокли их через кусты на поляну, где что-то праздновала разношерстная веселая компания, которая с удовольствием принялась обсуждать различные меры наказания пойманных извращенцев. Взлохмаченная девчонка в платье, надетом прямо на голое мокрое тело, предложила, слегка заикаясь:

– Они подсматривали за на-ами, а те-еперь мы бу-удем глазеть на ни-их! Что они там прячут?

С них содрали одежду и голыми привязали к деревьям. Компания продолжала веселиться еще несколько часов, но это оказалось только прелюдией. На обратном пути их провели голышом через все песчаные пляжи, полные людей, громко комментируя их появле-

ние, – объявляли, что ведут извращенцев. Их подгоняли тумаками и пинками. Никто из отдыхающих даже не попытался за них заступиться! Мучения закончились, только когда вышли на главную аллею Труханова острова, – кто-то из компании сообразил, что встреча с милицией при подобных обстоятельствах нежелательна. Их отпустили, пообещав, что в следующий раз они так легко не отделаются!

Стыд от пережитых унижений, многочасовое пребывание под палящим солнцем и последствия жестоких побоев надломили психику обоих подростков. Они замкнулись в себе, общая тайна не сблизила их, а, наоборот, разобщила. Они стали избегать друг друга, и вскоре Боря перевелся в другую школу. Игорь стал сторониться приятелей, заменяя живое общение книгой, реальный мир – фантазией.

Он возненавидел солнце, яркий солнечный свет, по возможности отсиживаясь в солнечные дни в полутемной, душной комнате. У него нарушился сон, и он часами ворочался ночью не в силах заснуть, а в школу приходил с единственным желанием – поспать. Но даже когда он прогуливал уроки, чтобы выспаться, сон к нему не шел. Родители забеспокоились, в ход пошли всевозможные лекарства, снотворные, и тогда он впервые попробовал психотропные препараты. Вскоре он увлекся «колесами», сон вернулся к нему, но это были не прежние сны детства. Когда он впоследствии случайно увидел картины Сальвадора Дали, яркого представителя сюрреализма, он поразился тому, как они перекликаются с его снами. А еще во сне он много путешествовал по незнакомым местам, городам.

Родители спохватились, и после долгого дорогостоящего лечения у него прошла тяга к «колесам», но сны остались фантазмагорическими. Вскоре он стал замечать изменения в своем организме: быстро уставал, часто находился под воздействием тяжелой депрессии. Диагноз призывной комиссии – малокровие – оказался спасением от армии. Его пичкали всевозможными соками, витаминами, травами, но ничего не помогало, пока одна бабка, к которой обратились отчаявшиеся родители, не предложила попробовать ему свежую кровь.

Первый литр крови, купленный нелегально на бойне мясокомбината, он выпил, с трудом преодолев отвращение, специально перед этим перечитав рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни», и, к своему удивлению, сразу почувствовал облегчение.

Вскоре Игорь поступил учиться на вечернее отделение Института пищевой промышленности и целенаправленно пошел работать на мясокомбинат. Окончив институт, он продолжил работать на мясокомбинате в плановом отделе, оставаясь частым гостем на бойне.

Сейчас, оказавшись среди ночи в одиночестве в пустынном месте, каким была Лысая гора, он вдруг понял, что совсем не испытывает страха. Окружавшая его холмистая местность, деревья с голыми черными ветвями в призрачном свете луны напоминали его сны. У него возникло ощущение, что он попал к себе в сон, а окружающая действительность – только сгусток воображения. Юлька и Вадим отошли на задний план, и он их уже не разыскивал, а упивался новыми ощущениями персонажа из собственного сна. Ночная прохлада, шелест сухой осенней травы, хруст упавших веток – это был только его сон.

Грязно-желтый диск луны, проглядывающей между темными тяжелыми тучами, привораживал взгляд. Ему хотелось, глядя на нее, излить в диком вое свои чувства. Луна, глядя вниз, смеялась над ним, но в то же время придавала ему сил и необычной остроты – ощущениям.

Он заметил, что воздух насыщен множеством запахов. Каждое дерево, куст, ветка имели свой, присущий только им запах, как каждый человек, при всей схожести с другими людьми, имеет свои отличия, то, что присуще только ему одному. Нахлынувшие ощущения не были сродни тем, которые бывают после употребления наркотиков, или чувствам ребенка, впервые открывающего мир. Они были новыми и в то же время жили в нем изначально, а сейчас чудом открылись, как забытая потайная дверца. Он не пытался анализировать свое

состояние, а просто жил сейчас этим. И он не хотел, чтобы открывшаяся в новые ощущения дверь захлопнулась. Ему было хорошо, как никогда за всю прожитую жизнь.

Он насторожился, уловив враждебный запах Чужого. За ним наблюдали, его рассматривали, на него охотились. Невидимый враг не выдавал своего присутствия какими-либо звуками, ощущался только запах. Противный запах агрессии, маскирующей трусость. Он раскусил его. Враг напрасно надеялся, что темнота – союзник, неожиданность – победа, страх – оружие. Это был слабый враг, прячущий за своей страшной личиной трусость, бессилие, ущербность. Он мог быть сильным только перед слабыми, замороженными собственным страхом существами, до сих пор попадавшимися ему. Это был тот самый урод, но Игорь его теперь не боялся и жаждал встречи.

Запах шел импульсами, то усиливаясь, то слабя. Урод раздумывал, нападать или нет, что-то его настораживало. На самом деле он только пугал, отыгрываясь за обиды и унижения дня, как безобидная букашка, имеющая ядовито-угрожающую окраску. Урод, вызывая ужас у жалких людишек, пленников дневного света, получал удовольствие сродни оргазму. Но он совершил ошибку, пытаясь напугать Сына ночи.

Тот решил подыграть уроду и сделать вид, что испугался. Урод клюнул на приманку, выполз из-за куста, за которым прятался, торжествующе вопя и строя страшные гримасы. Ближе, ближе – есть! Резкий прыжок в сторону – и паникующая жертва меняется местами с хищником. Кто дичь, а кто охотник?

Подмятый урод завопил от ужаса, вопли перешли в сдавленные хрипы и... тишина!

Луна на беззвездном небосклоне ободряюще улыбнулась и скрылась за набежавшую темную тучку, чтобы не мешать его торжеству.

6

Юлька, подойдя ближе к костру, стала видимой и своим появлением посеяла панику среди подростков – двух девочек и двух пацанов четырнадцати-пятнадцати лет. Они расположились на чем-то темном возле большого костра, в котором горели толстые поленья. Стуча зубами от холода, Юлька непринужденно спросила:

– Можно я погреюсь возле костра? – и этим разрядила обстановку.

Напряженность исчезла, вновь началось веселое перешептывание и уверенный мальчишеский говор с уже пробивающимися басами. Ребята начали крутиться возле неожиданной гостьи.

– Да ты совсем замерзла, пацанка! – прохрипел курносый веснушчатый предводитель.

Юлька жалобно кивнула и сунула заледеневшие руки чуть ли не в огонь.

– Бухло вышло, долбанешь косячок? Быстрее согреешься! – попыток предводитель и протянул Юльке самокрутку.

Она передернула плечами. Девчонка с очень коротким ежиком на голове крикнула предводителю:

– Ты не кумекаешь, что телка не тянет? Задуй ей паровоз!

Кучерявый предводитель улыбнулся детской улыбочкой, раскурил самокрутку, потом повернул горящим концом к себе и начал раздувать огонек.

– Давай, тяни пас – вдыхай дым. Для тебя старается! – разъяснила коротко стриженная девчонка.

Юлька послушно приблизила лицо к самокрутке и задохнулась от вначале сладковато-травянистого, затем дерущего гортань вкуса конопляного дыма, потом дело пошло веселей, стало и в самом деле теплее. Закружилась голова. Она присела на что-то темное, при ближайшем рассмотрении оказавшееся двумя расстеленными грубыми одеялами, потом, отяжелев, откинулась на спину. Вначале почувствовала биение собственного сердца. Оно вдруг разрослось в груди до невиданных размеров и с каждым ударом грозило вырваться наружу. Упругие ребра еле его удерживали. Происходило удивительное: достаточно было подумать о любом внутреннем органе, как она сразу начинала его явственно чувствовать, словно держала в руках. Стало страшно от ощущения полного контроля над ними, казалось, что, если возникнет дикая мысль прекратить работу какого-нибудь органа, так и произойдет, и неминуемо наступит смерть. Чувствовала себя полным властелином своего тела и в то же время его палачом.

Неожиданно оглушила симфония запахов. Открыла глаза. Перед ней, как в тумане, плыла металлическая кружка – источник аромата. Скорее догадалась, чем услышала, – это чай. Чужие губы обожгло кипятком, но почему больно ей? Удивительно сложный вкус соответствовал ошеломляющему запаху. Вкус имел множество оттенков, составляющих единое целое. Сквозь это чудо подкатывала тошнота, и дикая боль вонзалась в виски. Бесконечное падение вверх. Неужели мир перевернулся?

По едва заметной тропинке поднималась группа людей, в основном это были мужчины. На них была грубая, плотная одежда темно-коричневого цвета – кафтаны, шапки а-ля казачок того же цвета, некоторые были в кольчугах и вооружены мечами и копьями. Двое рослых воинов, идущих во главе группы, держали под руки обессиленную светловолосую девушку в одной серо-белой полотняной рубашке до пят, с запекшейся кровью на лице и безумным взглядом.

Юлька не узнавала местность – с горизонта исчезли высотные городские здания, вокруг раскинулось бескрайнее зеленое море леса. Как ни вглядывалась, не могла найти золотые купола Лавры – они тоже пропали!

Девушка еле передвигала ноги, и воины практически волокли ее. Весь ее облик выражал полнейшее отчаяние, до безразличия. Недалеко от себя Юлька увидела грубо рубленную деревянную скульптуру-колоду, чертами лица смахивающую на каменных баб, установленных в ботаническом саду. Хотя нет, черты у баб расплывчатые, безликие, а у этой ярко выражена беспредельная жестокость и властность. Юлька подошла поближе, чтобы рассмотреть ее как следует.

– Хорс – древнее кровожадное божество Киевской Руси, – пояснил незаметно возникший слева полноватый господин в коричневой, в крупную полоску тройке, благоухающий одеколоном «Русский лес».

Нудным голосом экскурсовода, которому все надоело, он продолжил:

– У его подножия совершались жертвоприношения, иногда человеческие, а обычно все больше домашнюю птицу били.

Слегка округлое или опухшее лицо пятидесятилетнего мужчины выражало полнейшее добродушие, подбородок прикрывала чеховская бородка, а темные с поволокой глаза – очки с толстыми стеклами без оправы.

«Наверное, у него совсем по-детски беззащитное лицо, когда он без очков», – подумала Юлька.

– У современных историков укоренилось мнение, что Хорс, занимая в пантеоне князя Владимира место рядом с Перуном и Дажьбогом – небесными божествами, являющимися прообразами солнца, грома, молнии, – относится к солярным божествам, то есть связанным с солнцем. Я же придерживаюсь мнения, что он был связан с луной. Да вы бы и сами увидели, если бы попали сюда в прошлое полнолуние, как совершаются культовые обряды при поклонении этому божеству. Кстати, жертвоприношение ему также совершают во время полнолуния. Да-с. – Он посмотрел на странную группу людей, подходящих к ним. – Бедная девочка, она пострадала из-за любви и поклонения этому божеству. Деревянному идолу. Но она не виновата. Она просто исповедовала веру своих родителей, а те – своих предков. – Мужчина в черной семитской шляпе сокрушенно покачал головой, и длинные тонкие пейсы-локоны закачались в такт над ушами, усиливая впечатление от его слов.

– Что же она сделала? – спросила Юлька, напрягшись, так как люди, издавая непонятные возгласы, подошли к ним и расположились рядом с деревянным идолом. Ей было очень жаль видеть молодую девчонку, пожалуй, ее ровесницу, в столь плачевном состоянии. И тут Юльку пронзила страшная догадка: – Ее хотят... принести в жертву?

– Нет, не хотят, и она ничего не сделала, кроме того что была замечена в поклонении этому божеству. – Мужчина сладко зевнул и тряхнул головой теперь уже в старой буденовке с выцветшей звездой. Запахло лошадиным потом.

– Понимаете, сударушка моя, дикие времена – дикие нравы, совсем как сейчас. Всегда существовали зависть, подлость, невежество, корысть и безразличие. Культ луны предполагает оборотничество, – он вытянул руку, быстро перебирая пальцами, как будто играл на пианино. – Вы что-нибудь слышали об этом – о вовкулаках, оборотнях? Это, сами понимаете, теория, а на практике... Родители с кем-то побили горшки, она отказала кому-то из власть предержащих, домогавшемуся ее, сосед возжелал их корову и ларь со старыми тряпками. А тут мор напал на домашнюю скотину. Мрет проклятая, и непонятно почему – то ли обожралась, то ли недожрала. А, по поверью, если принести дань скотному богу Велесу, зарыв в землю девицу, заподозренную в злых умыслах, то можно прогнать «коровью смерть».

Тут пускается слушок, что завелся двоедушник – существо, способное совмещать две души, человеческую и демоническую. А кто из нас не является двоедушником и не несет в себе два начала? Прославленный Юнг вообще предполагал, что это объединяет в себе множество разнообразных личностей, блуждающих в темноте бессознательного.

Разве тот, кто сегодня самый заядлый капиталист и большой приверженец церковных обрядов, еще вчера не проповедовал идеи коммунизма и не взрывал церкви? История не раз демонстрировала, что рабы, поменявшись местами со своими господами, становятся еще большими тиранами. Им ведь невдомек, что самый роскошный храм, возведенный на древнем святом месте, не искупит крови, пролитой при его строительстве, и не заменит построения храма в собственной душе. У каждого должен быть свой храм, но не каждый его имеет...

По преданиям, ведьма-двоедушница днем ведет себя как обычный человек. А ночью, засыпая непробудным сном, выходит из тела и бродит в другом обличье – в образе кошки, собаки, летучей мыши, кочерги. Во как накручено, и никакое алиби не поможет! – Он заразительно рассмеялся, и на голове у него появилась потертая, простреленная фуражка, а на плечах – кожаная куртка; запахло душистыми папиросами и железной волей. – Можно, конечно, разбудить ее ночью, поменяв положение головы и ног. Милая моя, так кто же не проснется, если его за ноги ночью будут тягать?! – Он вытер пот со лба. – Удар судьбы выпал этой бедняжке, заподозренной в том, что она ведьма-двоедушница, потому что исповедует запрещенную веру своих предков, и родители что-то не поделили с соседями, и она отказала тому, кто ее хочет!

В вырытую глубокую яму столкнули рыдающую девушку со связанными руками и стали засыпать землей. Юлька, не помня себя, бросилась ей на выручку. Господин экскурсовод в черном кимоно и с такого же цвета повязкой на лбу (на ней было написано белыми буквами «Мы не позволим!») удержал ее, обхватив обеими руками за туловище, при этом прижимая потные ладони к грудям. Запахло ритуальными палочками и сырой рыбой.

– Пустите! По какому праву?! Я призову к ответу по всей строгости закона! Я не допущу этого! – негромко визжала Юлька, делая вид, что хочет освободиться. Ну, освободилась бы она, и что дальше?

На месте ямы вырос шевелящийся холмик. Толпа работала дружно: одни подбрасывали землю, другие месили ее ногами. Вскоре все было хорошо утрамбовано и только пятно свежей земли указывало на место казни. Юлька рыдала на казенной груди крупного чиновника с депутатским значком, с толстой золотой цепью поверх блестящего галстука. Пахло коньяком «Хенесси» и крупными взятками.

– А знаешь, Юлька, что, зарыв в землю эту простую безымянную труженицу, они выкопали для себя Страх. С этого момента начинается история причисления этого ничем не примечательного холма к местам нехорошим, нечистым. Существует поверье, что душа двоедушника, конечно не лучшая, становится упырем, который живет то в могиле, то в зарослях, то под водой, а тут как раз протекает прекрасная, пока не загаженная река Лыбедь. Такой упырь пьет кровь, вызывает болезни, падеж скота. Понимаешь, Юлька, совершив этот проступок, они своих коров не спасли! Этот холм под названием Лысая гора будет пристанищем всякой нечисти, станет вызывать кривотолки во все времена.

– Кто вы такой? – спохватилась Юлька.

– Я – режиссер. Человеческая жизнь – это пьеса. У каждой пьесы есть свой сюжет, а сценарист работает в тесном содружестве с человеком, для которого сценарий и пишется. Есть действующие лица и исполнители. Не всегда исполнители соответствуют действующим лицам, но хуже всего, когда статисты вдруг становятся действующими лицами. Так, жили двое молодых людей целых шесть лет, она думала – он действующее лицо, а тот оказался статистом, хорошо, что бабка-ворожка подсказала, погадав на картах. Нет, говорит, милая, рядом с тобой человека, статист он. Выгнала девушка статиста и зажила одна. Одиноко, но счастливо жила.

А режиссер для чего? Видит – пьеса слишком гладко пошла, без резких поворотов, всяких там коллизий, неожиданных ходов – одним словом, рутина рутинной. Тут он и вмешивается, а то по накатанному пути неинтересно жить. Ты скуку не любишь? Прекрасно!

Как честный человек, предлагаю пожить со мной шесть месяцев гражданским браком! – На голове у него теперь залихватски сидела бескозырка, дул соленый морской бриз. – Не хочешь, а зря! Зря, говорю, счастья своего не видишь. Как пройдешь мимо него, обратно захочешь вернуться, а там только шкурки от счастья остались. На, съешь банан, шкурки только не выбрасывай – сгодятся!

Банан был большой и желтый, прекрасно пахнул. Юлька почувствовала, что голодная, распанахала шкурку и вонзила зубки в нежную плоть банана...

7

Рядовой Прохоренко, выбежав из тумана, в растерянности остановился. Он не узнавал местность. Перед ним простиралась широкая дорога, по которой с бешеной скоростью неслись невиданные механические экипажи. За дорогой виднелись производственные корпуса громадного завода. Ему довелось несколько раз бывать в городе, но ничего подобного он не встречал. Особенно сильное впечатление производили своей формой и скоростью механические экипажи. С левой стороны на расстоянии с версту горело множество электрических огней, но их свет был слишком ярким и каким-то нездешним. Справа тоже виднелись огни, но вдалеке, поэтому они были похожи на светлячков. Тут он заметил чудный мост, перекинутый через дорогу. А вот позади него стоял темный лес, покрывавший высокую гору, – вид, отдаленно напоминавший что-то весьма знакомое.

– Господи! Куда я попал?! – воззвал солдатик к небу. – Я хочу обратно в форт! Готов нести опостылевшую караульную службу, получать наряды от унтер-офицера Сиротенко, только бы убраться из этого незнакомого, враждебного места!

Почему это место показалось ему враждебным, он не смог бы объяснить, просто, по его пониманию, оно не могло быть другим! Гора за его спиной напоминала Лысую гору, на которой был расположен форт, но его присутствие там не ощущалось, и она вся заросла лесом!

Невдалеке он заметил женскую фигуру, безучастно стоявшую возле дороги. Ее беспрестанно ослепляли светом фар пронесившиеся автомобили. Набравшись храбрости, путаясь в полах длинной шинели, он подошел к женщине на слабеющих, ватных ногах.

– Барышня! – дрожащим голосом произнес он. – Милая барышня! Простите великодушно, где здесь расположен Лысогорский форт? Что-то я местности совсем не признаю, не могу понять, в какую сторону идти мне надо. Я срочно должен попасть туда, пока начальство не спохватилось, разыскивать меня не послало! Сделайте милость!

– Служивый, ты что, обкурился? – хохотнув, сказала девица. – За дуру принимаешь? Думаешь, я книжек не читала и не знаю, что форт – это крепость? Лысая гора – вон она, а крепости там нет. Одни развалины. Может, развлечься хочешь? – спросила с надеждой Анжела, ибо это была она.

«Сонька как уехала более двух часов тому назад, так до сих пор и не вернулась, видно, попалась фартовому», – подумала она. Ей за это время удалось обслужить только одного клиента, страшного скупердяя. Уже целый час она стояла на ветру и мерзла.

– Как развалины, барышня? – испуганно воскликнул солдатик. – Я только оттуда, не прошло и четверти часа, как покинул пост! Вы что-то путаете, барышня! – и трижды перекрестился.

Ему пришло в голову, что, может, это и не барышня вовсе, а бес, принявший такой облик, и всё вокруг – наваждение. Он начал громко читать молитву и крестить воздух во все стороны, ожидая, что все это исчезнет и он окажется в знакомой обстановке. Но бесовские картины не исчезали, и он запаниковал. А девица с интересом наблюдала за его манипуляциями. Неподдельный ужас застыл на его лице.

– Слышь, служивый, обмундирование у тебя странное, словно из кино, – произнесла она задумчиво. – А, поняла – снимает скрытая камера! Вот приколисты! Где они спрятались? По телеку когда будут показывать? Хочу посмотреть и девкам скажу. Вот умора будет!

– Барышня! Святым крестом заклинаю, подскажите, как мне отсюда выбраться? – дрожащим голосом, чуть не плача, спросил солдатик.

– Все-все, хватит! Думаешь меня развести? Не на ту попал!

В этот момент остановился «БМВ», и вниз поползло боковое стекло.

– Подождите минутку, здесь скрытая камера снимает! – сообщила Анжела. Окно сразу закрылось, и автомобиль резко сорвался с места. – Вот бл..ди! – зло бросила Анжела ему вслед и накинулась на солдата: – Из-за тебя клиента упустила! Мотай отсюда!

– Барышня, ты только не гневайся, перекреститься можешь? – спросил, леденя от страха, солдатик.

Анжела сначала хотела его послать куда подальше, но сжалилась и перекрестилась.

– Слав-те Господи! Не нечистая ты сила! – обрадовался солдатик. – Но как мне отсюда выбраться, барышня?

– Похоже, ты псих. Может, историк какой-то, от книжек тронулся умом, хотя морда у тебя самая простецкая, – задумчиво произнесла Анжела. – Зато наряд киношный, словно собрался штурмовать Зимний дворец.

– Барышня, не веди со мной таких речей. Боязно, – взмолился солдатик и подумал: «Мало того, что неизвестно куда попал, так и барышня оказалась революционеркой. А это сродни нечистой силе», – и он снова перекрестился, словно теперь-то это должно было помочь.

Анжела, все еще полагая, что ее разыгрывают, шутливо похлопала солдата по карманам и отметила неприродную их тяжесть.

– Что ты там прячешь, не золото ли? – рассмеялась она.

– Не-а, барышня. Песок там. По два фунта, согласно приказу унтер-офицера Сиротенко. Наказание такое, барышня, – угрюмо сообщил он.

– Ладно. Дури по-прежнему, если охота. – Она достала из сумочки сигареты, зажигалку и закурила.

Солдатик изумленно уставился на нее.

– А дымок от табачку замечательный! – мечтательно произнес он. – Если бы была ваша воля меня угостить табачком, барышня, я бы не отказался. Свой кисет-то я потерял.

Анжела дала ему сигарету, зажигалку. Он стал неловко вертеть зажигалку в руках, не представляя, как можно добыть из нее огонь. Анжела помогла ему.

Тут она подумала: «Может, солдатик и не разыгрывает меня, а есть тем, кем представляется». Она любила кино, пересмотрела массу фильмов, в том числе фантастических, с перемещениями во времени. Анжела открыла сумочку, вытащила оттуда шариковую ручку, изумившую его, а презервативы в импортной упаковке он даже попробовал на зуб. Тогда она подарила этому пришельцу из прошлого сигареты, зажигалку и пачку презервативов. Он рассказал о своей тяжелой жизни и о том, как попал сюда. Сердце у нее было жалостливое, и она решила его подбодрить по-своему.

Она повела его в гущу деревьев, по дороге сообщив, что хочет его ублажить, снять напряжение. Солдатик застеснялся, но отказываться не стал. Она вручила ему пакетик с презервативом, объяснила, как им пользоваться, и, повернувшись к нему спиной, приспустила колготки и трусики. Не дождавшись от него каких-либо действий, обернулась и с удивлением обнаружила, что солдатик исчез. Анжела разозлилась и пошла на свой «пост». Вскоре ее подхватил клиент на автомобиле, и они поехали искать укромное местечко. На Лысуху он не захотел ехать.

8

Автомобиль находился посреди бескрайнего озера, и из-за громадной массы воды было холодно и сыро. Непроницаемая коричнево-маслянистая водная гладь была ледяной и тяжелой. Вадим оглядел далекий горизонт, но нигде не было видно ни малейших признаков суши.

«Вот влип, так влип», – подумал он, но, увидев обнаженную молочно-белую спину ведьмы, спящей на боку на соседнем сиденье, успокоился.

Он залюбовался роскошным телом. Погладил ее по спине, упруго-податливым ягодичам. Длинные, густые, волнистые, с темным блеском волосы скрывали ее лицо. Обнял за плечи и поправил волосы. Ведьма, как будто этого ждала, повернулась к нему и, заключив в крепкие объятия, притянула к себе для поцелуя. Она откинула назад волосы, и стали видны широко раскрытый бескровный рот с редкими, гниlostно-желтыми зубами, морщинистая кожа лица древней старухи. Запахло кладбищем и уборной. Вадим закричал от ужаса и проснулся.

Начало светать. Было холодно и сыро, но машина по-прежнему находилась на Лысой горе. На соседнем сиденье, укутавшись в его куртку, свернулась клубочком девушка. Она дрожала от утреннего холода и со страхом смотрела на него. Ее длинные голые ноги были синими от холода. Простецкое лицо с размазанной тушью под глазами, длинные крашенные волосы, рыжие с медным оттенком, – она была совсем не похожа на ведьму, с которой он провел эту ночь. Но, слава богу, и старуху из его сна она ничем не напоминала!

– Ты кто? – тихо спросил Вадим.

– Я Со... нет, Лариса, – так же тихо ответила девушка.

– Сонет – твоя фамилия? – поинтересовался для приличия Вадим.

– Нет, я просто Лариса, а ты Вадим, по крайней мере так ночью назвался, – продолжала тихо говорить девушка, словно их могли слышать.

– Что ты делала ночью голая на этой горе? – спросил Вадим, вспомнив ее неожиданное появление.

– Я... я... я... – и слезы не дали девушке говорить.

* * *

В салоне «форда» громко играла музыка. Соня села на переднее сиденье, не озаботившись поправить юбку, которая сразу сбилась чуть ли не под мышки, так что стали видны черные трусики, надетые поверх колготок. Она искоса посмотрела на водителя – проверить впечатление, но тот был занят маневрированием в потоке машин.

– Как будем ехать? – не поворачивая головы, спросил он.

– Развернемся на Лыбидской, затем вернемся на автовокзал, а там я покажу, – бодро скомандовала Соня и положила свою ладонь на его ногу возле паха.

«Клиента надо настраивать, как скрипку перед концертом. Иначе может произойти большой облом», – частенько делилась она своими секретами с подругами по ремеслу.

Водитель следовал указаниям Сони, и через десять минут «форд» уже катил по грунтовой дороге на Лысой горе. Соне неоднократно приходилось обслуживать здесь нетерпеливых клиентов, хотя это место ей не нравилось.

– Ку-ку! – послышалось за ее спиной, и на заднем сиденье вырос здоровенный лысоватый мужчина лет пятидесяти.

Соня поразилась – как этот здоровяк смог укрыться сзади? И зачем? Дурные предчувствия кольнули сердце.

– За двоих двойной тариф! – быстро сказала она.

– Все будет, дай только срок! – весело пробасил за спиной здоровяк и бесцеремонно ощупал под джемпером ее груди.

Водитель хмуро молчал. Вскоре, подыскав подходящее место, остановился, открыл дверцу машины, сделал музыку громче. Они приказали ей раздеться догола под музыку, при этом не сильно торопиться. Сначала ее поимел здоровяк, потом хмурый водитель. Напили ее водкой и выпили сами. Хмурый водитель пил наравне со всеми. Потом они снова по очереди тр...ли ее. Когда совсем стемнело, собрались уезжать. Вопрос о деньгах их вначале рассмешил, потом разозлил.

Они надавали ей пинков и столкнули в овраг. Когда она выбралась, машины уже не было, как и одежды и сумочки. Нашла только джемпер, чудом оставшийся незамеченным. Как голой добраться домой, не представляла, но в такую холодину на горе делать было нечего. Стала потихоньку пробираться к спуску с горы. Увидев огни машины, заворачивающей к деревьям, обрадовалась – решила, что это Анжела с клиентом.

Идти босой в темноте по земле, сплошь покрытой сухими сучками, колючками и прочими колюще-режущими гадостями было пыткой. Когда добралась до машины, ноги покрылись кровотокающими ссадинами, ранками, особенно болели пальцы ног, ударявшиеся о камни. Прислушавшись к звукам, доносящимся из машины, и поняв, что среди двоих, возившихся за запотевшими стеклами, Анжелы нет, Соня обезумела. Ощувив злобу ко всему миру, к тем подонкам, которые поиздевались над ней, она захотела что-нибудь сделать придуркам, шуршащим одеждой в теплой машине. Нащупав на земле толстую сухую ветку, она изо всей силы саданула ею по крыше автомобиля...

Лариса-Соня слегка прикрыла глаза и, улыбнувшись бледными устами, как ей показалось, обворожительно, загадочно произнесла:

– Потом расскажу, пока не время, думаю, у нас еще будет такая возможность! Ты отвезешь меня домой?

Вадим вздохнул.

9

Холод пронизывал до самых косточек. Костер совсем погас. Тинейджеры еще спали, тесно сжавшись в один клубок, грея друг друга своими телами. Во входном отверстии хмурился рассвет. Юлька осторожно, чтобы не разбудить ребят, встала и пошла к выходу, поправляя прическу и томясь сердцем от ожидаемого справедливого гнева родителей и Игорька. Ей было очень плохо, во рту гадко, сильно болела-кружилась голова, было такое ощущение, что ее избили.

– Только идиоты получают кайф от этой гадости – косячка марихуаны! – со злостью подумала она, мысленно давая клятву больше эту мерзость никогда не пробовать.

Найдя пологий подъем, она выбралась из оврага. Машину нашла сразу. Внутри расположился Вадим с полуголой крашеной девицей в его куртке.

«Ну и дела!» – подумала она и плотно сжала губы. Из утреннего тумана выросла фигура Игорька, они оторопело посмотрели друг на друга. Растерзанный вид Юльки, большое пятно грязи на светлом плаще спереди и торчащие из порванных колготок голые коленки наводили на серьезные раздумья. Но и вид Игоря был не менее озадачивающий – одежда осталась целой, но сгустки запекшейся крови покрывали лицо и сливались с темной курткой.

– Что со мной? – повторил он вопрос сестры. – Да ничего. Заблудился, упал, разбил нос, перепачкался кровью. Вот и все. Не думаешь же ты, что я здесь разыгрывал из себя вампира и высасывал кровь из влюбленных?

Несмотря на то что чувствовала себя паршиво, Юлька рассмеялась, представив брата в роли вампира, ей вторил Игорек, у него было великолепное настроение, которое не могли испортить даже глупые вопросы сестры. Вдруг он резко оборвал смех.

– Скажи правду: где ты была и почему у тебя такой вид? – в свою очередь задал он вопрос, и она виновато опустила глаза.

Общими усилиями переднее колесо вытолкнули из ямы, и автомобиль весело заурчал, уезжая со злополучной горы и увозя четверых пассажиров.

10

Галя, невысокая девушка с волосами цвета вороньего крыла, непримечательной, тусклой внешности, с черными, невыразительными глазами, заметив вывеску кафе, решила зайти выпить горячего чая, а главное – собраться с мыслями. И было что обдумать. Она возвращалась из больницы, где только что умерла Ольга, попавшая в ДТП, и теперь Глеб был свободен, так что ему ничто не мешает выполнить свое обещание и жениться на ней⁵.

Ей вспомнилась палата интенсивной терапии, куда она пробралась хитростью, Ольга, ее враг, в переплетении проводов. Затем случилось невероятное – находящаяся в глубокой коме Ольга, не подававшая признаков жизни, вдруг ожила и схватила Галю за руку, когда та приблизилась к ней! Галю словно током ударило. «Теперь ты одна из нас! Будь ты проклята!» – громко произнесла Ольга, не отрывая от нее глаз. Галю выгнали, врачи приступили к реанимации. Но Галя знала, что медицина уже бессильна вдохнуть жизнь в мертвое тело Ольги, ибо та сделала свой выбор, назначив ее своей преемницей. И это была не награда, а наказание и месть!

Галя улыбнулась – она унаследует от Ольги все – ее мужа, квартиру и даже ведьмовскую силу! Все это нужно ей и ее ребенку, которого она носит под сердцем. Галя недавно переехала из села Ольшанка в Киев, училась в Педагогическом университете, по мнению однокурсниц, была серой мышкой, ведущей такую же серую жизнь. Они и не догадывались, что «серая мышка» скрывала свою настоящую жизнь.

Выйдя на улицу, Галя увидела группу школьников, некоторые из них шли ряженными и в страшных масках.

«Как я забыла – завтра Хеллоуин! Ольга умерла накануне праздника мертвецов, и теперь сама принадлежит им. По преданиям, после смерти колдуна или ведьмы душа не спешит оставить землю, старается последний раз сотворить лихо живым. Смерть Ульяны повлекла за собой целый ряд смертей людей, в той или иной мере связанных с ней. И моего брата Василия забрала проклятая ведьма! – Гале на глаза навернулись слезы, но она взяла себя в руки. – Ольга не Ульяна, и неизвестно, чего больше в этих суевериях – выдумки или правды. Впрочем, та женщина права: мертвые не могут помешать жить живым, если им в этом живые не помогут».

В кафе за столиком Галя увидела двух однокурсниц, Юльку и Зину, решила к ним присоединиться. Однокурсницы встретили ее сдержанно, без особых эмоций, но и не враждебно. Их разговор, прерванный ее появлением, возобновился. Они никак не реагировали на присутствие Гали, словно ее и не было здесь.

Зинка ткнула окурком сигареты в тарелку, служившую пепельницей.

– Ты, Юлька, большая выдумщица – это говорю тебе открыто и с одобрением. Вчера в метро читаю газету – бац, статья о Лысой горе! Сразу вспомнила тебя... Мол, на этой горе собирались раньше открыть дендропарк – заповедный уголок природы, а сейчас хотят сделать там украинский Диснейленд. Представляешь – на ведьминой горе! Но есть препятствие – остатки форта, исторического памятника, да и археологи, оказывается, еще недостаточно там покопались. Когда эта крепость была цела, в уставе караульной службы значилось, что часовым не следует пугаться ночью странных шорохов и разных звуков, потому что это проделки ветра. Ни в одном гарнизонном уставе этого нет, а там было. А ведь дыма без огня не бывает! Ты, случаем, ночью на горе привидений не видела? – И пока Юлька собиралась с мыслями, затараторила: – Ты рот закрой и слушай дальше. Еду в метро. Не одна, с девчонкой с медицинского, Инкой-очкаричкой, сушеной воблой, я вас знакомила. – Юлька хотела что-

⁵ Об этих событиях рассказывается в романе С. Пономаренко «Седьмая свеча».

то сказать, но Зинка снова оборвала ее. – Да-да, той самой. Я ей давно вопросик о вампиризме подкинула – есть ли и в самом деле такое заболевание? Ну, слушай дальше. – Зина вновь решительно пресекла попытку подруги что-то сказать. – Постоянно пытаешься меня перебить! Я лектор, ты аудитория, а лектор требует внимания. В общем, слушай и молчи.

Юлька покорила, зная по опыту, что возражать бесполезно.

– Инка пересмотрела все существующие медицинские справочники, консультировалась у профессора на кафедре и заявила, что такого заболевания стопроцентно в природе не существует! Возможность такого заболевания обсуждается триста лет, а самого заболевания нет! Проблема есть, а заболевания нет! Так что тот урод, которого вы тогда встретили на Лысухе, не был вампиром.

В статье было высказано предположение, что на Лысой горе происходят аномальные процессы, влияющие на психику человека. Этакая наведенная галлюцинация, при которой человек входит в образ, таящийся в глубине его подсознания, и воображает образы-фантомы. Представляешь, как здорово – имеешь желание встретиться с Иваном-царевичем или хотя бы с Витькой с третьего курса, ну, это капитан факультетской команды КВН, приходишь ночью на гору – и там их находишь! К чему я веду? Давай сегодня вечером сходим на Лысую гору! Как тебе идея?

– Я туда больше ни ногой! – категорически заявила Юлька. «Ни за что на свете я больше не поеду еще раз на эту дурацкую гору, а Зинка пускай поступает, как хочет».

– вспомнишь о собаке, возьми палку, – рассмеялась Зина.

– Ты о чем? – не поняла Юлька.

– Не о чем, а о ком. Смотри, вон Инка, и с каким парнем! – пояснила Зина, и обе девушки стали поедать глазами спутника Инки.

Этот студент с физического факультета, несмотря на то что выглядел человеком приличным, был, как говорится, не от мира сего. Его интересовали парадоксы времени, и он загрузил их лекцией о природе времени.

– Существуют две противоположные концепции времени: субстанциальная и реляционная, – с жаром начал он. – Первая несостоятельна, так как предполагает непознаваемость времени. Вторая более гибкая, но очень объемная. В ней различаются динамическая и статическая концепции. Например, сторонники статической концепции предполагают, что во Вселенной одновременно существуют настоящее, прошлое и будущее. Это утверждение имеет давнюю историю и берет свое начало от Вед. Но, если вдуматься, она приводит к крайнему фатализму и предопределению всех происходящих событий. Мне представляется, нельзя знать, что будет в будущем, а можно только предугадать. Предсказания Нострадамуса лишены конкретики, а их толкователи ищут в них лишь то, что хотят найти.

Я лично придерживаюсь реляционно-динамической гипотезы локально-когерентного времени. Физическое время – это проявление и отражение энергетического состояния материи в гравитационном поле. Природа времени двулика, поскольку зависит от двух различных проявлений во Вселенной, но она и двуедина, поскольку в каждой материальной системе и гравитация, и внутренняя энергия взаимно влияют друг на друга.

– Очень интересно и познавательно, – с легкой иронией сказала Юлька, прикрыв рот рукой, чтобы не заметили зевка.

Физик оказался пуленепробиваемым и никак не отреагировал, а продолжил лекцию:

– Отсюда следуют основные свойства времени: любая материальная система обладает собственным временем, но также излучает и поглощает псевдопотoki времени. Эти псевдопотoki под воздействием определенных условий могут концентрироваться, например, в виде газообразных подсистем, образуя неустойчивые равновесные структуры, так называемые облака времени, способные существовать со своим временем, отличным от времени системы.

Тут Зинка взмолилась:

– Это, конечно, страшно интересно, но сон нагоняет. Может, по мороженому?

Физик с сожалением посмотрел на девчонок, но на провокацию не поддался. Возможно, из-за отсутствия денег, а может, из вредности, тему он не сменил, правда, стал говорить более понятно.

– Есть ряд свидетельств того, что люди попадали из прошлого в будущее. Так, в 1912 году в железнодорожном экспрессе неожиданно появился человек с кнутом в руках. Он растерянно произнес: «Я Пимп Дрейк, возница из Четнема. Где я?» Вскоре он исчез, оставив после себя треуголку и кнут. Скотланд-Ярд провел расследование и установил, что сто пятьдесят лет тому назад в Четнеме скончался человек с таким именем, занимавшийся извозом. В конце жизни он начал рассказывать небылицы об огненном чудовище, передвигающемся по металлическим рейкам. Другой пример, уже в 1992 году. Круизное судно, на борту которого находилось сорок человек, попало в жесточайший шторм и послало сигнал SOS. Когда прибыли спасатели, судна не обнаружили и занимались его поисками несколько дней. Посчитали его затонувшим. Ровно через три года в том самом месте перед находившимися там рыбаками возникло судно, которое подавало сигналы: «SOS отменяется, буря внезапно прекратилась!» Когда на его борт поднялись спасатели, то увидели картину всеобщего веселья, празднование окончания бури. По их часам прошло два часа, а не три года. Члены экипажа судна вспоминали, как во время шторма попали в образование в виде плотного тумана. Можно привести еще много примеров таких феноменов. Очевидцы описывают это облако в виде плотной, белого цвета субстанции, наводящей своим видом ужас, непонятно почему. – Физик перевел дыхание, наблюдая, какое впечатление произвел его рассказ.

– Вы танцевать любите? – спросила у парня неугомонная Зина, вцепилась в его локоть и, не ожидая ответа, воскликнула: – Если скажете, что любите, не поверю!

– А каких девушек вы любите? – подхватила Юлька, введя его в краску.

Инка почувствовала неладное и попыталась увести парня от двух хищниц, но не тут-то было. Они вцепились в бедолагу, применив весь арсенал обольщения, и он забыл о физике, проблемах времени, и уж тем более об Инке.

Галя слушала щебет подружек, удивляясь тому, что те настолько далеки от реальной жизни и что в них так много детства. По сравнению с ними, несмотря на одинаковый возраст, она чувствовала себя опытной, умудренной жизнью женщиной, хотя знала, что сокурсницы считают ее недалекой простушкой. Как ей хотелось раскрыться перед кем-нибудь, излить душу, рассказать, в какой жестокой борьбе ей удалось одержать победу и какой ценой! Тогда бы отношение к ней было другое.

«Что подумали бы они обо мне, если бы обо всем узнали? – задала она себе вопрос. – О том, что в порыве гнева я убила любовницу брата, подставив Глеба, а потом вытащила его из тюрьмы, взяв обещание жениться на мне. Что я сумела побороть Ольгу, хитрого и сильного противника, благодаря своей смелости, решимости идти до конца, изощренному уму и расчетливости. Кто из вас смог бы такое совершить? – Галя презрительным взглядом обвела сидевших рядом заболтавшихся подружек. – Обделались бы, и на этом все закончилось бы. Личность – это я, а у вас лишь смазливый мордашки, да и только».

Зина и Юлька, сломив последнее сопротивление бедного физика, внушили ему, что он просто мечтает повести их этим вечером на недавно открывшуюся дискотеку в студенческом городке Технического университета, и направились с ним к выходу. Инка не смирилась с поражением и последовала за ними, на ходу вполголоса высказав Гале свое соображение на их счет:

– Вот стервы!

В кафе было уютно. Галя почувствовала, что не совсем оправилась от пережитого стресса, поэтому решила еще немного здесь посидеть. На освободившиеся места мгновенно

устремились две нагловатого вида барышни, чем-то похожие друг на друга, несмотря на различие в одежде и внешности. Кроме кофе, они поставили перед собой по пузатому бокалу, полному коньяка. Соня и Анжела, а это были они, в связи с погодными условиями решили немного отдохнуть от работы, пошляться по центру, посидеть в кафе.

– Соня, подруга, что с тобой происходит? Тебя словно подменили после злослучений на Лысухе! – Анжела озабоченно посмотрела на нее. – Может, ты втюрилась в того охламона, который тебя принял за ведьму с Лысой Горы?

– Парниша он неплохой, но дело не в этом... А может, отчасти и в этом, но не так, как ты думаешь, – начала путано объяснять Соня и, не найдя нужных слов, сдалась. – Тошно мне от всего этого... Всякая мразь пользуется тобой, словно туалетной бумагой.

– Сонька, ты ли это?! Что, с тобой раньше ничего подобного не случилось? Все были миленькими пай-мальчиками? Да забудь тех подонков, выбрось их из головы!

– Бывало и похлеще, но, видно, это последняя капля, переполнившая чашу моего терпения. На следующий день, ты знаешь, я никуда не пошла. Валялась в постели, телек смотрела, старалась все из головы выбросить. Фильм чудный посмотрела, названия не помню. Знаю, что очень старый, там Олег Янковский играет. Весь фильм молчит. Раньше бы и пяти минут такое не смотрела, на музыку переключила бы, а тут задело. Там момент есть: полицейский сторожит одного недотепа, который может в прошлое смотреть, да на свою голову возьми и спроси...

– Недотепа может в прошлое смотреть? – усомнилась Анжела.

– Он на вид недотепа, а на самом деле парень что надо, – пояснила Соня. – Так вот, полицейский спрашивает: «Кем я был в прошлой жизни?» – а тот парень возьми да брякни: «Таким же полицейским, и стоял на том же посту. В позапрошлой и во всех предыдущих жизнях тоже».

– Полицейский, наверное, его сразу дубинкой! – с улыбкой предположила Анжела.

– Нет, чуть с ума не сошел, – серьезно ответила Соня. – Теперь ты меня понимаешь?

– Нет, а что я должна понимать? – удивилась Анжела.

– Я не хочу во всех последующих жизнях быть проституткой. Для этого мне надо изменить эту жизнь.

– А будут ли последующие жизни? – усмехнулась Анжела.

– Будут, обязательно будут, – твердо сказала Соня. – Я даже в церковь ходила.

– А что здесь такого, я тоже хожу иногда, – ухмыльнулась Анжела.

– Нет, не просто так, а по-серьезному, исповедалась. На душе легче стало, – очень серьезно сказала Соня.

– Ты смотри, а я до этого не додумалась. Надо будет и самой сходить. – Анжела уважительно посмотрела на нее. – Может, в следующий раз меня прихватишь?

– Сходи, сходи, – с усмешкой сказала Соня. – У меня много вопросов было, так святой отец предложил ответить на них вечером у меня дома.

– Ну а ты? – заинтересовалась Анжела.

– Дала адрес. Вечером он пришел, водку с собой принес, на многие вопросы ответил, особенно о рае и аде изгалялся. Когда он под юбку ко мне полез, назвала таксу. Он обиделся и ушел. Но он сам не все знает: рай и ад находятся здесь, на земле, присутствуют в нашей жизни. Он прав в том, что куда попасть, в рай или ад, зависит только от нас. Я уже столько натерпелась в аду, пора менять обстановку. А реинкарнация – возрождение после смерти – существует. Бывает, сон какой приснится, словно кусочек жизни, так поневоле задумаешься: это не из прошлой ли жизни воспоминания?

– Чудная ты, Сонька! Такое выдумашь... – и Анжела развела руками, показывая масштабы фантазии подруги. – Давай еще выпьем! Я пойду принесу, – и она направилась к стойке бара.

Галя, слушавшая их разговор, допила сок из фужера, скептически усмехнулась.

– Чего улыбаешься, подруга? Может, я что-то не то сказала? – Соня впиалась взглядом в незнакомую черноволосую девчонку, сидевшую за их столиком. – У тебя все хорошо, ладно, и ты знаешь, что с тобой будет через пять минут, через месяц, через год, да? И о тебе маменька с папенькой заботятся, нос утрут, штанишки постирают? А вот спорим, ты не знаешь, что с тобой будет через пять минут?

Галя молча вышла из-за стола, намереваясь уйти из кафе, но естественные позывы заставили ее зайти в туалет. Анжела вернулась к столу с новой порцией спиртного.

– Ты посиди, а я сейчас вернусь – надо с одной чистюлей разобраться! – сказала ей Соня и направилась в туалет.

– Вот дура, на пять копеек выпила, а шуму может наделать на целый рубль! – Анжела укоризненно покачала головой, но за подругой не пошла.

Когда Галя открыла дверь, чтобы выйти из туалетной комнаты, на пороге возникла недавняя соседка по столику. Она грубо толкнула Галю в грудь и закрыла за собой дверь на защелку.

– Пять минут прошло, подруга! – зло сказала Соня. – Я здесь – твоя судьба! – Все дни после случая на Лысой горе она ощущала, как в ней накапливается отрицательная энергия, и искала ей выход. И вот он нашелся – выместить злость на чистенькой пай-девочке. Поумному – не оставив следов на лице этой лошары, чтобы менты не смогли раздуть уголовное дело.

Галя не чувствовала страха перед подвыпившей девчонкой. Что-что, а за себя она постоять сможет!

На Соню уставились два немигающих черных глаза, в которых та прочла: «Смерть!» – и ей стало страшно. Этот жуткий взгляд был ей знаком – она его видела в одном из приснившихся ночных кошмаров.

– Извини, подруга! Чуть подвыпила, вот и повело! – неожиданно для себя пошла на попятный Соня и шагнула в сторону, давая девчонке пройти. – Меня зовут Соня, а тебя как? – спросила она ее в спину.

– Мы с тобой еще встретимся. Тогда и узнаешь, – не оборачиваясь, ответила Галя.

«Что это было: грозное предупреждение или предсказание?» – так и не поняла Соня, но решила больше не связываться с этой странной девушкой.

11

Автобус с телом Ольги сильно задержался, и Галя в ожидании замерзла на городском кладбище в Боярке. До последней минуты, пока тело Ольги не внесли в траурный зал, Галя волновалась, у нее было предчувствие, что должно что-то произойти! Но не могла же Ольга ожить! Это Галя понимала разумом, но ожидала подвоха от Ольги и после ее смерти.

Гроб находился на постаменте из черного гранита. Ольга лежала в гробу как живая, во всем блеске своей красоты. Бледное лицо освежали легкий искусственный румянец и горящие алые губы. Лишь зелень глаз пряталась за плотно сжатыми веками. Серый костюм красиво подчеркивал ее фигуру.

«Да, я умерла, и в этом ты меня победила. Но ты никогда не станешь такой, как я, особенно внешне!» – красноречиво говорил ее вид. Неожиданно Гале вспомнилась Маня, ее последние слова перед смертью, предрекавшие ей судьбу деревенской старой девы. Перед глазами мелькнуло видение: презрительное лицо Мани, выплескивающей на нее яд и желчь, облеченные в словесную форму, затем ее лицо стало морщиться от удивления, испуга, физической боли, затем застыло маской, лишь кровь пульсировала из раны в животе. Вспомнила и свое состояние: смертельная обида, гнев, холодная рукоятка кинжала, неожиданно легко проникнувшего в человеческую плоть, испуг, ужас, невыполнимое желание вернуть все назад.

«Маня, ты не права. Права пословица: не родись красивой, а родись счастливой, а я еще и умная!»

– Смотри, как Иван Степанович старается, – услышала она рядом разговор вполголоса, – как будто самого дорогого человека хоронит. А ведь Ольга была женой его заклятого соперника.

– Галя, неужели это ты? – услышала она, обернулась и с удивлением увидела бабу Марусю из села Ольшанка.

Рядом с ней заметила еще нескольких односельчан. Галина сдержанно поздоровалась с ними.

– Галя, ты теперь совсем городская стала! – сказала баба Маруся, оценив внешний вид девушки. – Вот только незадача! Мы узнали, что с Олечкой приключилось, – она вытерла платочком слезящиеся глаза, – и приехали забрать ее тело, чтобы похоронить на родине, в Ольшанке, рядом с Ульяной, а этот плешивый, – она указала пальцем на Ивана Степановича, который как раз произносил прощальную речь, – не дает. Говорит, что здесь ей место. Нельзя ее здесь хоронить, да и время уже позднее, – она с досадой махнула рукой. – Пошли, Галочка, еще разик попросим его.

Галя послушно поплелась за бабой Марусей. Иван Степанович после речи обмахивался шапкой, словно веером.

– Что, соколик, притомился? Может, одумался и отдашь тело Олечки, чтобы захоронить на ее родине, в Ольшанке? – ласково спросила баба Маруся.

– Гражданка, не несите ересь! – Маленький человек покраснел от возмущения. – Институт взял на себя организацию похорон гражданки Костюк и сделает это. А вы здесь не мельтешите. Приехали прощаться – значит прощайтесь! Меня больше дурацкими вопросами не отвлекайте! – И он отвернулся.

Баба Маруся огорченно вздохнула. В это время рыжий поп начал отпевать покойную. Баба Маруся достала из кошелки несколько свечек, перетянутых шпагатом.

– Галя, возьми себе свечку. Никого из родных Олечки здесь нет, так хоть мы ее помянем. Жаль, певчих с собой не взяла! Пойду раздам свечки нашим односельчанам, для Олечки мы здесь самые близкие, – и исчезла в толпе.

– Иван Степанович, возьмите свечку и прочитайте про себя «Отче наш»! – услышал Варава голос рядом с собой и с удивлением уставился на худощавую темноволосую девушку, протягивающую ему горящую свечу. Что-то в ней было необычное, скорее всего, большие черные глаза, словно рентгеном просвечивающие, при этом ничего не выражая.

– Зачем это?

Девушка приблизила свое лицо к нему и прошептала:

– Вы ведь любили ее и были любимы! Я это знаю точно, как и то, что той ночью в Ольшанке она была не одна, а вместе с вами. Но об этом известно только мне!

Иван Степанович почувствовал, что ледящий ужас сковал его тело. Он вспомнил ту страшную ночь, когда по просьбе Ольги отвез ее в Ольшанку. И эта девчушка с черными глазами, которым нет сил сопротивляться, знает об их отношениях!

Он послушно взял свечу и начал едва слышно читать молитву «Отче наш», хорошо знакомую ему из деревенского детства. И отрешился от всего окружающего, словно этим мог помочь любимой женщине, которая теперь лежала в гробу на холодном каменном постаменте.

Когда он пришел в себя, странной девушки рядом не было, так же как и свечки, которую недавно держал в руке, ощущая, как горячий воск стекает по пальцам. Остались лишь следы воска и ощущение, знакомое ему в детстве, как будто он только что хорошо выплакался.

– Просто наваждение какое-то! – прошептал он и непроизвольно перекрестился.

Распорядительница скомандовала:

– А теперь родственники, друзья, знакомые могут попрощаться с Ольгой Викторовной.

Галя подошла к гробу, склонила голову, чтобы последний раз посмотреть на Ольгу, и похолодела от ужаса. Ольга открыла глаза и насмешливо смотрела на нее. Галю пронзила холодная зелень этих глаз! Ее парализовало от ужаса, она зажмурилась. Когда открыла глаза, ничего необычного не заметила. Покойница лежала с плотно закрытыми веками, лишь на лице немного поплыл грим. Окружающие вели себя как обычно, слышалось сдержанное рыдание – это Нюра, бывшая одноклассница Ольги, приехавшая вместе с бабой Марусей, не смогла сдержаться.

«Неужели ЭТОГО никто не заметил?!» – Галя не могла прийти в себя после увиденного. А Ивану Степановичу показалось, что покойница ободряюще улыбнулась ему, и он решил на ночь выпить снотворного, чтобы не приснились кошмары. Галя не стала сопровождать гроб до могилы, ей захотелось поскорее вернуться домой, чтобы еще что-нибудь не померещилось. У выхода из траурного зала попрощалась с бабой Марусей, пообещав вскоре навестить ее.

По дороге домой Галя не выдержала и заехала на квартиру, где до недавнего времени жила Ольга и куда вернется после заключения Глеб вместе с ней, Галей. Выходка была крайне безрассудная, так как она могла попасться на глаза соседям. Она переходила из комнаты в комнату и воображала, какая здесь будет мебель, что она оставит, а что поменяет. Квартира, в которую она совсем недавно тайно проникала, дрожа от страха, где, казалось, даже стены источали враждебность, вдруг превратилась в заботливо убранную, уютную квартирку, манящую покоем. Теперь Галя почувствовала себя здесь полноправной хозяйкой. Не беда, что пройдет еще месяц, а то и два, пока Глеб вернется из заключения и приведет ее сюда уже как законную супругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.